

ОБЕЛИСК

ИЗДАТЕЛЬ – МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Составители:
АРСЕН ЕРЕМЯН
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ

ISBN 978-9941-0-2338-5

Александр АБАШЕЛИ	Реваз МАРГИАНИ
Григол АБАШИДЗЕ	Алио МИРЦХУЛАВА
Ираკлий АБАШИДЗЕ	Маквала МРЕВЛИШВИЛИ
Шота АКОБИА	Шота НИШНИАНИДЗЕ
Шалва АМИСУЛАШВИЛИ	Иосиф НОНЕШВИЛИ
Ладо АСАТИАНИ	Булат ОКУДЖАВА
Хута БЕРУЛАВА	Морис ПОЦХИШВИЛИ
Кале БОБОХИДЗЕ	Александр САДЖАЯ
Заур БОЛКВАДЗЕ	Анзор САЛУКВАДЗЕ
Хута ГАГУА	Лия СТУРУА
Мирза ГЕЛОВАНИ	Ладо СУЛАБЕРИДЗЕ
Иосиф ГРИШАШВИЛИ	Арчил СУЛАКАУРИ
Нодар ГУРЕШИДЗЕ	Галактион ТАБИДЗЕ
Теймураз ДЖАНГУЛАШВИЛИ	Владимир УБИЛАВА
Арсен ЕРЕМЯН	Фридон ХАЛВАШИ
Карло КАЛАДЗЕ	Нугзар ЦЕРЕТЕЛИ
Анна КАЛАНДАДЗЕ	Джансуг ЧАРКВИАНИ
Михаил КВЛИВИДЗЕ	Отар ЧЕЛИДЗЕ
Нази КИЛАСОНИЯ	Симон ЧИКОВАНИ
Мурман ЛЕБАНИДЗЕ	Отар ЧИЛАДЗЕ
Георгий ЛЕОНИДЗЕ	Отар ШАЛАМБЕРИДЗЕ
Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ	Сандро ШАНШИАШВИЛИ
Отар МАМПОРИА	Алеко ШЕНГЕЛИА

БОЙ ВЕЛИ НЕ РАДИ СЛАВЫ

В начале мая гремят частые грозы. Первый гром, первые весенние ливни. Но вспоминаются не тючевские строки, а эхо войны – старый артиллерист, сутулый и неказистый, из стихотворения грузинского поэта Шота Акобия. Стоя под ливнем, на пробуждающемся поле, он, не отрываясь, глядел на небо, слушал орудия грома, видел то, что забыть нельзя, смертоносный град осколков и пуль, косящий его товарищей, все живое.

Шестьдесят пять лет отделяют нас от мая сорок пятого, к которому наш народ шел дорогами войны, самой трудной и свирепой, чтобы отшагав пол-Европы, пол-земли, расписаться на стенах рейхстага поверженной вражеской столицы, послать эту весточку бойца домой – туда, где его ждали, надеялись.

24-летний паренек Мирза Геловани из сванского села, надев солдатскую шинель, в последние дни июня сорок первого года, готовясь отправиться на передовую, писал из Харькова родителям и сестрам: «Верю: я рожден для величайших испытаний, и из войны, из этих разрушений, возвращусь вместе с победившей армией. Пройду все ураганы и вернусь. Я спокоен. Нет пули, которая меня убьет, мои корни в той стране, которую убивали, и она не погибала... И таких великих сердец никогда не было в мире, как у меня и у всех моих друзей... Я верю в победу и жизнь...» Через три года, в июле, поэт Геловани погиб на военном поле недалеко от Витебска. И спит вечным сном в белорусской земле, похоронен в братской могиле, не защитили его ни талисман – фотография матери, ни короткое, как вздох,

весточки из дома.

Так же трагична судьба другого молодого поэта Владимира Убилава. Запомнился он спокойным, немногословным, вежливым. Его любили все – и взрослые, и ровесники. Реваз Маргиани, сам фронтовик, вспоминает: «В последний раз я повстречался с Ладо случайно, на фронте, в Крыму, на подступах к Керчи, то было в феврале 1942 года. В небе проносились вражеские бомбардировщики. Наш грузовик стоял у развилки дорог. Мимо проехала машина с солдатами, и вдруг среди них я увидел Ладо. Но машина промчалась, не останавливаясь, мимо, а Ладо махал мне рукой и что-то кричал...» Таким запомнился другу молодости погибший поэт, оставивший после себя пришедшим им на смену поколениям одну-единственную небольшую книжку, в которой есть твердая вера в то, что «не рвать врагам тбилисских роз», и очарование весеннего утра – белорозовый дым рассыпанной по плетням цветущей сирени, увиденной из траншеи и задыхающейся в разрывах тротила.

Эти строки торжествующей жизни на страшном шабаше смерти читатели найдут в нашей книге, со страниц которой пахнет на него гарью сороковых пороховых годов, набатным призывом прозвучат слова знаменитого плаката «Родина-мать зовет!» грузинского художника Ираклия Топидзе, плаката-вонна. Он стучал в сердца пеплом сожженных городов и сел, звал взять оружие в руки, не знаящие до того затвора. И уходили в бессмертие полки защитников, чьи виски серебрил мороз ноябрьского парада сорок первого; как чеховские мальчишки в Америку, убегали на фронт мальчишки, не находившие себе места дома, не успевшие повзрослеть...

Грузинская военная лирика в переводах русских поэтов (А.Ахматова, Б.Пастернак, М.Светлов, А.Тарковский, Н.Заболоцкий, Д.Самойлов, Е.Евтушенко и др.) представлена в нашей книге

45 поэтами – разными по творческому почерку и судьбам. Есть среди них и поэты-академики, и скромные сотрудники армейских газет, и вернувшиеся с войны в университетские аудитории, как Булат Окуджава, и те, кто знал войну по сдаваемому экзамену по литературе.

Мы не удержались и все-таки включили в сборник «Цабуню» классика грузинской литературы Константина Лордкипанидзе, трогательный рассказ о босоногой девчужке – она каждый раз выходит к прибытию санитарного вагона потийского поезда с одним вопросом-надеждой: «Вы в Керчи воевали, диденька?» Где-то там, на дорогах войны затерлись следы отца – Валико Абуладзе.

Мы созвали на этот скорбный сбор участников самой кровопролитной войны – живых и мертвых. Они незримо присутствуют на книжных страницах. И вновь продолжается бой. Не погибнет никогда капитан Бухаидзе – одноименное стихотворение Ираклия Абашидзе молнией облетело всю необъятную страну, стало народной песней. Умирает в Балкарском ущелье красноармеец Лепкашети из знаменитого стихотворения Симона Чиковани, не дождавшись перед смертью глотка воды, которую друг нес в ладонях. Не сотрет время на обелисках и мемориальных плитах строки стихов Мориса Поцхивиили «Ты не безымянный». Не забыта 15-летняя Ирина Схиртладзе – героиня Джансуга Чарквиани погибла в Польше в борьбе с фашистами. Немногим ее старше была Тина Иосебидзе – девочка в простой шинели – спасая под снарядами товарницей на переправе, она себя не уберегла. Бойцы саперного батальона Ираклия Цицивиили в скоротечные несколько суток построили, стоя в ледяной днепровской воде, два моста, по которым на выручку Киеву спешили танки и орудия. Младший сержант Мелитон Кангария и его друзья-однополчане, по-пластунски ползли по куполу рейхстага, ранив руки осколками стекла, торопясь водрузить

победное знамя.

Маршрут большого ратного пути от Волги до Берлина четко обозначен в стихотворении великого грузинского поэта Галактиона Табидзе, назван неслыханным, былинным. Это – подвиги тех, кто по плечи врасая в землю, отстаивал каждую пядь страны – от Мтацминды до Смоленска, кто прошел сквозь огонь Сталинграда, кто насмерть стоял под Москвой, спас Киев и Минск и сквозь дым канонады добрался до седой Вислы, «кто тяжелой походкой солдата прошел по вершинам Карпат» (Г.Леонидзе).

И мы помним их поименно. За победу заплачено слишком большой ценой – в годы Великой Отечественной войны сражались около семисот тысяч сынов и дочерей Грузии, триста тысяч вошвов не вернулись из боя. Вот почему мы посчитали своим долгом вспомнить советского воина-освободителя, вспомнить вечную славу и мгновенную смерть от жгущего металла тех, кто даже не вздрогнет, если крикнут все люди планеты. И низко склоняем голову перед теми, кто навсегда остался девятнадцатилетним.

Мы посчитали нашу книгу актуальной и востребованной самой правдой жизни именно сейчас, когда предпринимаются попытки ревизию, фальсификации истории, героизации нацистских пособников.

С нами вновь разговаривает народная, священная война. И мы говорим: слава героям, подвиг ваш бессмертен!

Николай СВЕНТИЦКИЙ

*Президент Международного
культурно-просветительского*

Союза «Русский клуб»

*Заслуженный деятель искусств
Российской Федерации*

Александр АБАШЕЛИ

МОЕМУ ПЕРУ

Перо мое! Встающему рассвету
Всегда ты радо было, словно птице,
Любило петь о солнце, о земле ты,
О молнии, что среди туч искрится.

Но слышишь ты, как по земле и небу
Сегодня вражки стаи хищно кружат...
Не о рассвете надо петь тебе бы –
Сегодня станешь ты моим оружием.

Забудь сегодня тихие напевы
О солнечных лучах, о звездах ночи...
Пускай гремит твой клич, исполнен гнева,
Пусть будет он, как меч в бою, отточен.

Пусть все, что есть геройского, прямого,
В строке моей сольется воедино,
Пусть боевое пламенное слово
Услышат реки, горы и долины!

Пусть все, что написать ты не успело,
Сольется в громком, грозном кличе дружно,
Обвалом на врага сорвется смело, –
Перо мое стальное, стань оружием!

1941

Григол АБАШИДЗЕ

ПОБЕДИТЕЛЬ

*Грузинскому воину Кантария,
одному из водрузивших
наше победное знамя над
рейхстагом*

Шел в ярме огня я, устали не ведая,
Лишь одним дышал я – близкою победою,
Полон упованием единым,
Веря, что заря блеснет над нами
И что вспыхнет солнцем над Берлином
Наше знамя.

Оттого, изранен, был неуязвимым я,
Оттого растаял с нивами родными,
Оттого оставил в шахтах глыбы,
Стол мой с неисписанной бумагой, –
Чтобы свой привет послать смогли бы
Мы со стен рейхстага.

И надежде этой неизменно верил я,
Возле гор Кавказа, у его преддверия,
По пятам преследовал злодея,
Разрушал в лесах его берлоги,
Под жестоким ливнем холодея, –
Не свернул с дороги.

Если оглянусь на путь свой,
ныне пройденный,
Не пойму, как спасся, впрямь хранимый
родиной,
Сумерками жизнь моя сгущалась,
Я по трупам полз порой почною,
Даже ветер уставал, казалось,
Поспевать за мною.

Торопились тучи по небу, свинцовые,
Но моей надежды был покорен зову я.
Рабья трусость – человека чувство ль?
Голову высоко поднимаю,
Не устал я, – что такое устал?!
Робости – не знаю.

Много исходили мы дорог, товарищи,
Видели в пути мы слезы, кровь, пожарища,
Раненные пулей и гранатой,
В темном поле встретившие мину,
Как виденья, провожали брата
По пути к Берлину.

И летели стоны, война преследуя:
«Если не вернешься ты домой с победою
И не разгромишь гнездо тирана,
Навсегда запомнишь стоны братьев,
Сердце будет вечно жечь, как рана,
Братское проклятье».

Был я верным сыном, клятвы не
нарушил я,
Родины приказы беззаветно слушал я,
Выносил невзгоды и лишенья,
Ледяной бывал покрыт корою,
Чтоб войти в Берлин, на подвиг мщенья,
Грузии героем.

Кто я? Моего никто не знает имени,
Как захочешь, друг мой, так и назови меня.
Не один я, не один, – нас много.
Назови меня ты именами
Всех, кто шел военной дорогой,
Славя наше знамя.

Не меня ли дома ждет моя любимая,
И не спит ночами не моя ль родимая?
Тот я, кто придет, как победитель,
Тот, чьей волей слез поток прервется.
И да будет светлою обитель
Тем, кто не вернется.

1945

ВЕСНА

*Вечная слава героям, павшим в боях
за свободу и независимость Родины*

Слышишь ли ты в грозном грохоте этом
Шелест деревьев, пронизанных светом?
Лес протирает глаза удивленно.
Славят бессмертье нагорья и воды,
Встала, ликуя, нагая природа,
Как Амиран, одолевший дракона.

Тополь и яворы больше не голы, —
Почки усеяли их, словно пчелы,
Скоро их листьев овеет шуршанье.
Не косарей ли скликает кукушка?
Сколько безвестных могил на опушках —
Славы величественной достоянье.

Видит весна в каждой сирой могиле
Тех, что горячие очи закрыли,
Тех, что боролись с жестокой грозой,
Сами подобные буре весенней,
Тех, чьи могилы лежат в отдаленье,
Не орошенные теплой слезою,

Ни материнской слезою, ни вдовьей,
Не обогретые детской любовью.
Их утешенье — не слезы. Доселе
Пламя таят их запавшие очи.
Их утешение кров этот отчий,
Гордость победы и весен веселье.

Спящие! Если бы вы услышали
Пение птиц в пробудившейся дали,
Леса б увидели взор удивленный.
Может быть, встали бы из-под земли вы!
Пусть же могилы в лесах молчаливы.
Памятник ваш — этот мир обновленный!

1945

Ираклий АБАШИДЗЕ

КАПИТАН БУХАИДЗЕ

Я грузин Бухайдзе. Повержен
Вражьей пулей в Кавказских горах,
Если б мог я воскреснуть из мертвых,
Если б ожил внезапно мой прах, –

Я бы отдал опять свое сердце
Милой родине в грозном бою,
Вновь бы умер за землю родную,
Ту, что грудь покрывает мою.

Слушай мерный мой голос, прохожий,
И грузинским холмам передай,
Что без страха и скорби я умер
За родимый возлюбленный край,

Что нещадно разил супостатов, –
Поплатились они головой.
Я не умер. Бессменно на страже,
Я отчизны своей часовой.

Завещаю отныне грузинам:
Стойте непоколебимее скал,
Не страшитесь ни боли, ни смерти,
Защищая Дербент и Дарьял.

1942

***

Пожар потушен.
Не впервой
идти вперед землю смятой...
Но той войны протяжный вой –
он до сих пор в ушах, проклятый!
И, обретя в себе самом
покой от мыслей сумасшедших,
вдруг вновь и сердцем и умом
ты ждешь из боя не пришедших.
И на пиру –
в который раз! –
вдруг сверстников поблекнут лица...
И пира нет...
И кровь дымится...
Вновь – Керчь,
Кубань,
Владикавказ.
И вновь –
дуэль среди вершин,
орудий спор незавершенный.
И стоны раненых грузин.
И кабардинец обожженный.
Зачем огонь ночных атак
я до сих пор забыть не в силах
и землю –
наспех, кое-как
набросанную – на могилах?
Зачем всегда одно и то ж
передо мной ожить готово:
каленный зной сорок второго,
кровавый над Кавказом дождь!..
Ты, стойкий,
кованый,
железный, –
так, видно, вышло на роду, –
сквозь дым,

сквозь град тропой отвесной
шагай у смерти на виду.
Иди,
всему причастен в мире,
его дыханием дыши
и путь широкий проложи,
шагая дальше нас и шире.

ИСТОРИКИ И ПОЭТЫ

Крым.
Война.
Вокруг – огневая
пляска, в которой пожарищ запахи.
А вот и тетрадь моя фронтовая,
а вот и страницы той старой записи:

Лишь возмущение,
лишь непощение,
лишь отвращение,
лишь отомщение.
Только ненависть,
только горе –
и невозможно ничто другое.
Придет суббота,
придет суббота,
придет Победа,
как странное что-то,
и в штабы пустые
с бумагой в под сумке
вползет летописец
почти по-пластунски.

Всем полководцам он полководец.
Из всех Мерани –
он первый Мерани,
и бури улягутся,
успокоясь,
в чернильнице –
в крошечном океане.
Он корни событий
ухватит цепко.
Он отодвинет
и вьюги, и ливень.
Слезы и кровь
превратит в оценки,

и будет всех нас мудрей,
справедливей.

Годы и годы...
В сухие листья,
в сны превратится
все, что непрочное.
Лишь потрясение будет длиться,
ибо оно бесконечно,
бессрочно.

Годы и годы...
Ничто не откинув,
предпочитая не торопиться,
в тысячах пыльных подвалов,
архивов,
трудятся тысячи летописцев.
Все они – первые,
все – бесстрастные,
все они –
задним умом бесстрашные.
Все – прозорливицы,
все – ясновидцы...
Разве мы можем с такими сравниться?
Умней, чем история,
эти историки.
Благословлю их труд кропотливый!
Они – справедливее нас.
А все-таки,
все-таки, все-таки
мы справедливей.

Шалва АМИСУЛАШВИЛИ

МАМА

«Храни тебя господь!» –
Мне мать шептала.
Кричали из теплушек нам:
«Скорей!»
Перроны были словно пьедесталы
Величья и страданья матерей.
Я шел с винтовкой русской сквозь выюгу,
Ослепнувший от выюги и огня.
Но как бы мне ни приходилось туго.
Хранила ты,
Как мой господь,
Меня.
Но как о нас ты ни молила,
Какой ты героиней ни была,
Меня в бою ты, мама, сохранила,
А брата сохранить ты не смогла.
Он там лежит,
На дальнем бездорожье.
Не плачь, прошу, –
Душа и так болит..
Ведь если ты – сама господь,
То кто же
Тебя на белом свете сохранит?!

1945

В ГРУЗИИ

В Грузии рождались и трудились,
А потом грустили неспроста:
«Хоть бы на минуту возвратились
Наше детство, наша красота!»

Нет! Грузин себя не убивает.
Если умирает, то в бою,
Веря в то, что жизнь не убывает,
Что не прекратится бытие!

Если на поминках загрустилось,
Пусть опять произнесут уста:
«Хоть бы на минуту возвратились
Наше детство, наша красота!»

Наша смелость нестаря ведется,
Ею наша родина горда.
Если даже в битве пасть придется –
Жизнь не прекратится и тогда!

Ибо жизнь – основа всей вселенной,
Ибо смерти ставим мы запрет!
И да будет он благословенным,
День, когда явились мы на свет!

Хута БЕРУЛАВА

***

*Памяти Тины Иосебидзе,
которая в дни Великой
Отечественной войны героически погибла
на переправе, спасая товарищей*

Девочка в простой шинели серой,
худенькие тоненькие руки.
Что ты знала?
Запахи сена
и свирели дымчатые звуки.

Жизнью
ты сейчас живешь
второю.
Ты сейчас
легенда,
а не девочка.
Не бывают смертны герои.
Ты себя навек
бессмертной сделала.

Вся страна сейчас
тобой гордится,
о тебе шуршат
фиалки, маки.
Вздригнуло село твое
Тортиза,
так, как только вздрагивают матери.

О тебе,
с глазами гордыми и грустными,
помнят,
как о дочери своей,
все отцы и матери Грузии,
у кого война взяла детей.

Стала жизнь твоя
бессмертной повестью.
Как твои глаза,
над нами звезды.
Только жаль,
что о твоём подвиге
в Грузии узнали поздно.

Смотришь ты с портретов на заводы,
на траву зеленую,
на ветки...
О, как страшно,
если б камнем в воду
имя твое кануло навеки!

Там, на переправе, под снарядами
Грузию в себе ты воплотила!

Пусть отныне
называют рядом
Зою.
Лизу,
Марите
и Тину...

ПИСЬМО МАТЕРИ

Юноша, выросший в милой Колхиде,
Больше не крикнет «ваша*» по-грузински,
Солнца весенних лучей не увидит –
Кровью окрасил он склон кабардинский...

И поклялись его жизнью и смертью
Братья к победе прорваться сквозь дали,
И на груди его, в смятом конверте,
Сложенный вчетверо лист увидали.

Может, оставил боец завещанье?
Может, писал он письмо черноокой?
К сердцу прижал он в минуту прощанья
Матери ласковой добрые строки.

---

* Ваша (груз.) – ура.

ВОИН БЕЗ ИМЕНИ

Бессмертной памяти достоин,
Святую тишь могил хранит
Из камня вырубленный воин,
Он и при жизни был гранит.

Нет имени на пьедестале,
И неизвестно никому,
В каких краях о нем гадали,
В ночи рыдали по нему,

Как убивалась мать-старушка.
Отчизне предан, грозно строг,
Чужую смерть он брал на мушку
И лишь своей не подстерег.

Не оживить его слезою.
В бою тяжелом пал солдат.
Награда вечная герою –
Им защищенный Сталинград.

1952

ВЕКОВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

(Отрывок из поэмы)

Далекий день.
Вернулся ты усталый
Домой под вечер.
Трубку закурил.
Мать поглядела,
тихо застонала...
Ты у нее с тревогою спросил:
«Случилось что?
Быть может, заболела?»
Она ответила:
«Война...»
Малец, не понимал я,
в чем же дело
И чем война веселая страшна.
И отчего в подушку мама плачет?
И почему тревогой полон дом?..
Постичь пытаюсь, что все это значит,
Не спал я ночью...
А на завтра, днем,
Ты вещи взял.
Обнял нас напоследок
И матери сказал:
«Побереги
Себя, детей...»
И помню я,
как, бледный,
Ты уходил по берегу реки.
Совсем другою жизнь отныне стала –
Суровой и холодной...
Война
Улыбки деревенские собрала
И спрятала куда-то...
Дотемна

Сидел я на крылечке, повзрослевший,
Газеты лихорадочно листал.
И, наконец, под старою черешней
Твое письмо однажды прочитал.
Писал ты нам, что бьете подлых фрицев,
Все хорошо,
здоров, мол, за двоих,
Мы вглядывались в милые страницы,
Все вместе перечитывали их.

Мы ждали почтальона в чистом поле –
Ведь он-то нас порадовал сполна.
Но в зимний вечер материнским вошлем
Деревня вся была оглушена.

Окончилась война, и возвратился
К себе домой израненный сосед.
Холодной ночью мне отец приснился:
Включил он в спальные осторожно свет,
Присел со мною рядом на постели,
Поцеловал меня –
и вдруг исчез...
Короткий сон,
ответь мне:
неужели
Не повторишься больше?..
Через лес
Иду отцовскою тропою
И думаю невольно о войне.
Пишу, отец, твоей живою болью
Я этот стих...
Светло и грустно мне...

УТРО

Еще деревья не пришли в себя,
Расплывчаты намеренья природы,
И, голубое небо возлюбя
За чистоту, молчат громоотводы.

Но первый плеск, и первый голубок
Взлетает высоко и одиноко,
И девочка в сорочке голубой
Распахивает створки влажных окон.

И мостовая черная, как лед,
Окаменела, но течет при этом.
И к стенке дома лист увялый льнет,
Как мышь ночная, срезанная светом.

Прозрачны воздух и вода в реке.
Трамвай звенит, как жестяная кружка,
И на мосту автобус вдалеке
Почти что пуст, как всякая игрушка.

И статуи великих, дорогих,
Чью сущность скульптор повторит едва ли,
Не помнят, как судьба вселила их
В тот город, где ни разу не бывали.

Тщеславие меня не теребит.
Дитя грузинских облачных селений,
Я верю в то, что будет не забыт
Рожденный женщиной, сраженный смертью
гений.

Но это утро, пахнущее льном,
Пускай со мной останется навечно,
Как фото мамы в платице льняном
У воина в мешке его заплечном.

Мирза ГЕЛОВАНИ

ТЫ

Ты видел, как горели небеса –
горели и неслыханно и мутно,
и пуля прожужжала, как оса,
предпочитая друга почему-то.
Он пал ничком, царапая траву.
И, словно медсестра над павшим братом,
вдруг тень весны возникла наяву
над бледным днем, с бледнеющим солдатом.
И дрожь тебя пронзила до костей,
и сам ты стал слабей и уязвимей.
Но вспомни путь и встреченных детей,
забывших дом, забывших даже имя.
В них горько все: и взгляд, и скорбный рот...
И ты идешь. И кровь на белом свете.
И ничего от смерти не спасет, –
одно спасенье есть: убийство смерти.

1942

***

Был ночью бой. Был ночью гром. Был взрыв —
как вскрик.

В сплошном дыму, когда не видно ничего,
вдруг где-то там, за нами, в молниях возник
Тбилиси мой таким, как знали мы его.
На Оргачала цвел миндаль, назло войне.
Лежало солнце на Мтацминде тяжело.
И ты, родная, ты опять казалась мне
волшебным камнем, излучающим тепло.
Смешная просьба: ты мне лучше не пиши.

Я, право, знаю все, как будто вижу сам:
вот кто-то за полночь во весь размах души
по полю шастает, чтоб к полдню быть цветам.
Уж я-то знаю: есть незыблемая связь
меж светом солнца и теплом людских сердец.
Когда бы пуля эта мимо пронеслась,
когда б и дальше миновал меня свинец, —
придя к тебе из мглы, из ада — из войны,
сказал бы я: — Смотри, вот я пришел домой,
и оба солнца — и победы и весны —
в знак торжества стоят над смертью, над зимой.

1945

ПИСЬМО К ДРУГУ-ПОЭТУ, НАПИСАННОЕ ПЕРЕД НОЧНЫМ БОЕМ

То ли стремленье собой оставаться
мы почитали свидетельством роста,
то ли нам гонор мешал столкнуться, —
только мы шли хоть и рядом, а розно.

Я не прощал тебе тайно и явно
каждую злую и горькую фразу.
Ну, а уж ты обо мне и подавно
доброе слова не молвил ни разу.

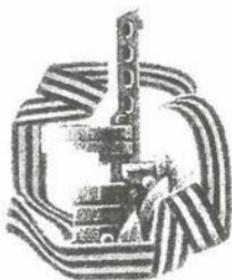
...Как ты мне пужен! Где ночью осенней
машешь рукой, не знакомой затвору?
Этой же ночью, — быть может, последней, —
друг твой к другому готов разговору.

Ночь на подходе. В полночном набеге
сванские ноги мои не споткнутся.
Ночь эта будет моей, пусть вовеки
мне на рассвете уже не проснуться.

Помни, что я,
привыкающий к смерти,
как привыкают к дурному соседу,
я,
достающий врага в километре
и приближающий этим победу,
видевший рядом, в сугробе глубоком,
взгляд удивленный убитого брата,

я, и не живший,
я, чуть не ребенком
знавший нетрудный язык автомата,
я, твой ровесник,
считая морщины,
я говорю тебе: если в дни битвы
каждый твой стих – это слово мужчины,
кто бы чего ни сказал, друг, –
мы квиты.

1943

ОТ МТАЦМИНДЫ ДО СМОЛЕНСКА

От Мтацминды до Смоленска путь далек:
Были горы, были степи и болота.
Помнишь ночь?
На минном поле ты залег
Под огнем неумолимых пулеметов.
Помнишь Днепр,
Холодный, мутный, как рассвет?
Осень листьями дороги устилала...
Был я ранен, а остался только след —
Небо Родины, как лекарь, исцеляло.
...Я твой дом своим письмом не огорчил:
Написал, что в битвах всякое бывает,
Что охотник из Пшави не отступил,
Сердце друга на войне не умирает.
Сердце, нет,
не умирает, как боец,
Все мне кажется теперь в огне похода,
Что отныне я
владелец двух сердец,
Что к своим годам
твои прибавил годы.

1943

***

Фашист зарылся в темноту. А в наши лица
бьет пурга,
И превращается в мечту желание убить врага.
Какая мокрая метель на неприкаянной земле!
И верная моя шинель отказывает мне в тепле.
Сырой неумолимый снег – как будто серая стена.
И я не закрываю век, но явь не заслоняет сна...
... Я вижу снег, но он иной, и щепки яркие
на нем.
Соседский мальчик озорной готовит санки
под окном.
Мой брат в заснеженном саду шагнет то вправо,
то влево,
Освобождая на ходу от снега черточки ветвей...
Камин вздыхает, как всегда, когда душа
его в огне...
С воробышком стряслась беда – он так пищит...
И обо мне
Горюет мать. И мой отец, добряк, умелец
и шутник,
Замучен думами вконец, над верстаком
своим поник...
Хочу вернуться...так хочу! Промерзший на
чужом ветру,
К камину, как больной к врачу, я кинусь,
кинусь и замру.
И счастья непочатый край откроется
передо мной.
И можно все: и слушать лай соседской
старенькой цепной,
И по-мальчишески мечтать, и строить
домик воробью,
И у окошка наблюдать, как тают хлопья...
Но стою,

Как все. Кругом война. Пурга.
И обе кончиться должны.
Но я – не кану ли в снега такой пурги,
такой – войны? ...
И что-то не к добру болит сегодня сердце у меня.
Так наша Джаврия скулит, там, дома,
на закате дня...

1944

Иосиф ГРИШАШВИЛИ

ЛЕНИНГРАДУ

Так бьются львы!.. И, слышу, раздается
родная речь на улицах твоих.
Как гребни скал, призывы полководца
у всех застав воздвиглись городских.

Твои до неба бьющие фонтаны
я пел и славил с юношеских лет,
поэтов русских сад благоуханный
и колыбель прославленных побед!

Родной мой город! Славою победной
и воинов отвагой боевой
гордишься ты – и, точно Всадник медный,
не поколеблен бурей огневой.

1941

ОСИРОТЕЛЫМ ДЕТЯМ

О эта девочка! О этот мальчик хилый!
Семья, что поправа фашистским сапогом!
Утешьте их скорей своею братской силой,
смягчите горе их своим живым теплом!

Враг отнял все у них (ни матери, ни дома!)
и в траур облачил раздолье их полей!
Пусть возле нас печаль им будет незнакома, —
о, приголубьте их, утешьте их скорей!

Они ростки, цветы... Растите их прилежно,
чтоб край наш солнечный для сирот стал родным!
О, приголубим их своей заботой нежной,
бесстрашье, мужество и волю в них вселим!

Мы в них найдем сестер и братьев нашим детям,
ведь нет у нас детей без матери, отца!
Любовью к сиротам мы Родине ответим,
свои объединив сочувствием сердца.

И гнева грозного поднимем, братья, знамя!
Мерцает морем кровь загубленных детей...
Пусть согревает их грузинской дружбы пламя, —
о, приголубьте их, утешьте их скорей!

1942

ФРОНТОВАЯ СЕСТРА

Сражаясь, я услышал взрыв,
и все покрылось мглою.
Я исполнял мой долг, друзья,
я похвалы не стою.

Три дня лежал я среди руин,
забытый, одинокий;
я видел быструю Куру,
Тбилиси мой далекий.

Из раны кровь лилась, тоска
предсмертная томила,
но тут меня нашла сестра
и жизнь мне возвратила.

И с той поры ищу ее,
грущу, как по невесте;
нигде ее не нахожу,
о ней не слышу вести.

1945

Нодар ГУРЕШИДЗЕ

МОГИЛА ВОИНА-ГРУЗИНА ВО ЛЬВОВЕ

*Знал бы я, взял с собой
тариста, дудукиста.*

Г.Леонидзе

Он здесь сражался. Здесь погиб,
Придя издалека.
Окружена цветеньем лип
Могила земляка.
Он пробивался сквозь огонь,
Сквозь годы, день за днем,
А весть о гибели его
Пришла простым письмом.
Но все ж не верилось словам,
И стали ждать вдвойне,
Когда появится он сам
При сабле, на коне.
Как он скакал! Стелилась степь,
Звенела сталь клинка.
Грузинский сын боролся здесь
И победил врага.
Ночь поглотила синеву,
Колышется листва,
Склонилась Родина к нему,
Как скорбная вдова.
Но там, где, победив, погиб
Мой брат, мой друг, грузин,
Мне слышится в шептанье лип
Родной земли язык.

Теймураз ДЖАНГУЛАШВИЛИ

ОНА ПОКАЗЫВАЛА ДОРОГУ

Автоколонну остановит сразу
И в дверь кабины светит фонарем,
И по ее безмолвному приказу
Протянешь руку с путевым листком.
О рев моторов разбивая голос:
– Которая дорога на Берлин? –
Взмахнет флажком, как будто это голубь
Взмахнул крылом, – и снова рев машин.
Флажком взмахнула в грохоте и гуле,
Как будто бы сказала: «Проходи!»
Глаза, как звезды Грузии, блеснули,
И автомат качнулся на груди.
И на прощанье улыбнулась просто.
От родины, от Грузии вдали.
Такую, невоинственного роста,
Сюда пути какие привели?
Хорошая, сердечная улыбка
Душою щедрой родины моей!
(Я знаю, тут не может быть ошибки,
Она – грузинка, и мне тем милей.)
Военные походы и метели,
И спутников и встречных не забудь.
Мне девушка грузинская в шинели
В Германии показывала путь.

ЧТО МЕНЯ ГРЕЛО!

Я лежу на снегу, и ко мне на грудь
Опускается хрупких снежинок рой.
Тихий голос мне шепчет: «Печаль забудь,
Улыбнись и спокойно глаза прикрой».

Ночь длинна, и моя холодна постель.
Ветер лунную свечку давно задул.
Что же греет меня? Фронтальная шинель
Или солнечный зайчик в моем саду?

ОБЕЛИСК

Г. Пожсяну

Боксер и воин, бард-поэт,
Он пел про круг и место в шлопке.
Измене в дружбе места нет,
Как трусу в командирской рубке.

Швыряет вал за валом море.
Ну что с того, что ты на суше.
Со шкипером любым поспорим,
И годы голос не заглушат.

Вы вытянули злой билет,
Держа удар, как Сегалович*,
Жизни неполных двадцать лет
Ради других отдать готовы.

Как было страшно на войне –
В снегах, десантах и на море.
Вас извещеньем слишком скоро
В Сухом Лимане зря хорошат.

Но в миных погребах своих
Память востребует безусых
Ребят, чью жизнь продолжит стих,
Кто в бой ушел и не вернулся.

Десант сражается – он жив,
И отражаясь в обелиске,
Нам завещал достойно жить,
Гореть стожарами неблизкими.

---

* Сегалович Лев – чемпион СССР по боксу 40-х годов.

КЕРЧЬ

А. Галустову

Приказ был прорываться к морю
И как всегда не обсужден.
Но каждый среди вас, героев,
Уже заране обречен.

Ты ездовой, но пушка ваша –
Песчинка в этом море зла.
И даже думать было страшно,
Что пуля-дура цель нашла.

И сгинули куда-то копи,
Лишь облака, как табуны.
Тебе из крымского далека
Родные горы не видны.

Вокруг тебя орлы-подранки
И падают в гвардейский рост,
И смерть их носит спозаранку
На кровью залитый погост.

А уступать никто не хочет,
И ты кричишь: «Сынок, пригнись!»
И догояешь что есть мочи,
И через силу тянешь вниз.

И вплоть до дальнего лимана
Идет стеной кровавый смерч.
Здесь вся земля сплошная рана,
И жертвы требует с вас Керчь.

КИНОТЕАТР В СУХУМИ

Ни одного билета в кассе.
Мужчина: «Да, но я герой...»
А в зале скоро свет погасят,
И вспыхнет на экране бой.

Горел он ярче всех закатов.
Сосед танкистом, видно, был.
Ловил он жадно кадр за кадром
И все на свете позабыл.

До Прохоровки снова близко,
И на груди горит звезда.
Какою страшною пропиской
Вошла война в нас навсегда.

Горели танки, словно свечи.
Рулил механик в озерцо.
Охваченный огнем по плечи,
Спешил он уберечь лицо.

Пропитанный до пят бензином,
Комбинезон ловушкой стал.
И легким был тебе и зимним,
Когда ты плакал и мужал.

А озерцо, что твоя лужа —
Притягивает, как магнит.
И танк твой снова будет нужен,
И вот поодаль «Тигр» горит.

В бою трофеев мы не брали,
И танк на танк упрямо лез,
Как на слониху слон взобрался
И не спешит оттуда слезть.

И снова ужас наважденья,
И не отпускает боль.
В Сухуми – фильм «Освобождение»,
И танки сами рвутся в бой.

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ДУЭЛЬ

Мы видели смерть.
И запомнили мы:
Глаза у нее – не мышинные норы,
Но вспышками молний разили из тьмы
И мрак рассекали вокруг ее взоры.
В руках ее не было вовсе косы.
Она не сверкала костей белизною,
Но кралась убийством в эти часы,
Озлобленная, притаясь за скалою.
И кинулась, жадная, на блиндажи,
И глыбы камней рвала и дробила,
И словно кричала:
«Вот тут и лежи,
Здесь взрыта моими когтями могила».
Мы видели там: командир молодой
Стоял, со своим разговаривал взводом.
И, не оглянувшись, махнул он рукой,
Клубящийся дым отстранил мимоходом.
Потом на скале величаво он встал,
Как будто бы сам он скалы той потомок
И сам из гранитных он вырублен скал,
Сам мощен он, словно утеса обломок.
Орудья умели беседовать с ним,
Орудий слова ему были знакомы,
Его облаками укутывал дым,
На гром он обрушил ответные громы.
Все словно застыло среди темноты,
Все стерто, во мраке ночном потонуло,
И вторили схватке родные хребты
Во сне отголосками дальнего гула,
И вторили горы и славили бой.

Врагов озверелых неистовый приступ
Отбили в ту ночь неустанной пальбой
Грузинские славные артиллеристы.
Бросалась на горы смерть тысячи раз
И тысячи раз отступала той ночью.
Мы смерть победили.
Свободен Кавказ!
Мы это увидели утром воочью.

***

Дыма обрывок все стелется на косогоре,
Чье-то дыхание смешано с клочьями дыма.
Кто здесь проносит свое безутешное горе,
Ищет свой дом, в лунном свете блуждает
незримо?

Дыма обрывок все стелется на косогоре.
Ведомо тени, что в доме за вьющимся тыном —
Мальчик, воспитанный женщиной в черном
уборе.
...Лет двадцать девять погибший не виделся
с сыном.

ПЕСНЯ

Разве отлетела
Розовая мгла
Дней, когда ты пела
«Дэлия-дэла»?

Ветвь чинары сонной
Над речной волной
Мнилась мне влюбленной
В голос водяной.

Ветвь отшелестела
Или все грустит?
«Дэлия, о дэла», —
Тихо шелестит?..

Этой песни годы
Я не забывал:
С нею шел в походы,
С нею воевал.

Раненый, сумел я
Память уберечь.
Песней «Дэла-дэла»
Мне вернулась речь.

Буря отгремела,
Роща зацвела,
Вновь пою я «Дэла,
Дэлия-дэла».

РАЗГОВОР С ЧИАМАРИЕЙ
В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

О медлительная побелка
этих яблоневых лепестков!
Так здравствуй, победа,
победа,
победа во веки веков!
Выходи,
чиамария*,
празднуй,
тонко крылышками трубя.
Мои руки совсем не опасны –
мои руки
ласкают тебя.
Возмужавшей земле обожженной
не управиться
с новой травой.
Где наш враг?
Он лежит,
пораженный
справедливой и меткой стрелой.
Чиамария,
как мы тужили,
как мы плакали,
горе терпя,
но смеется
герой Цицишвили,
защитивший меня и тебя.
Чиамария,
мир, а не горе!
И, вступая в привычки труда,
тут степенно пройдетя Никора,

---

* Чиамария (груз.) – божья коровка.

и воскреснет за ним борозда.
Как Никора доволен работой!
Как глаза его добро глядят!
Я стою среди луга рябого.
«Гу-гу-гу...»
Это вязы гудят...

1946

ВЕХИ

Вспомнил время давнее совсем:
Мама.
Елка.
Скарлатина.
Брем,
Школа.
Книги,
Все длиннее ряд их, –
Дней прочтенных книжная стена...
Неожиданно – конец тридцатых
И война.

1956

***

Его убили. Тотчас бронзой стал он.
И подняли его. И понесли.
С тех пор он молча смотрит с пьедестала,
Годов не числа, на простор земли.

Лишь скорбь о том, что не успело сбыться,
В безмолвной бронзе пробуждает ритм:
Вот женские шаги, вот чьи-то лица...
Он вспоминает о любви и – мнится –
Далекой, той, чуть слышно говорит:

«Я вас любил! Любовь еще, быть может,
В душе моей утасла не совсем...»

1959

**НАШЕ
ДЕПО
ПРАВОЕ.
ВРАГ БУДЕТ
РАЗБИТ.
ПОБЕДА
БУДЕТ ЗА
НАМИ!**

*Из Заявления Советского правительства.
22 июня 1941 года*

ПРАВДА

Выпуск № 100000

Все наши силы — на поддержку нашей
героической Красной Армии, которая славится
Джусупо Фомма!
Все силы народа — на разгром врага!
Вперед, на полную победу!

Выступление во радио
Председателя Государственного Комитета Обороны
И. В. СТАЛИНА.

3 июня 1941 года

Начальник Главного
Управления
Связи и Радио

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Меня убили, когда мне было семнадцать.
О, какое пожарище раздула война!
Слову последнему довелось в моем сердце
остаться.

Не пролилось оно. Разве моя вина?
Не успел я проститься с друзьями. Орудия били.
С любимой встретиться я не успе...
Когда мне было семнадцать, меня убили.
Свинцовый ветер мне песню последнюю спел.
Через двадцать лет, после смертных скитаний,
К прошлому пробиваюсь сквозь седину.
Вот пришел и стою на месте былых свиданий,
К молодости руки свои тяну.
Как коротки мои руки! Путь долог.
Шагать до упаду
Словно до дна, до того не дотянешься дня...
Вы надо мною не смейтесь, не надо, не надо,
И не жалейте меня, не жалейте меня,
Потому что с прежней щедростью, с прежней
силой

Я люблю моей молодости нетронутый дым...
Меня убили, когда мне семнадцать было.
Кто возвратит мне все, что было моим?

1923-1983

*Памяти брата,
погибшего на войне*

Тебе шестьдесят исполнилось.
Мы тесно сдвигаем стулья, –
твои сыновья и дочери
приходят на званый обед...
Но где-то
в широком поле
в тебя ударила пуля –
в мальчика с первого курса,
в твои девятнадцать лет.

Годами летящей жизни
твой возраст уже
не измерить
за тонкой чертою круга,
откуда возврата нет.
В изменчивом нашем мире
ничто тебя не изменит –
мальчика с первого курса,
в твои девятнадцать лет.

И если завтра над нами
опять гряхнет грозою,
и синее небо снова окрасится
в черный цвет,
меня не возьмут в солдаты –
я слишком уж стар
для боя,
а ты еще будешь годеи
в твои девятнадцать лет.

Война пошлет почтальонов –
они к тебе достучатся,
они твоего покоя
и в смерти
не пощадят.
И та же ударит пуля
в тебя, в твои девятнадцать,
мой мальчик с первого курса,
мой – старший навеки – брат!

1983

О ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Плакала мать у моей постели,
Слезы роняя на лоб мой жаркий,
Листья с осенних чинар летели,
Жизнь догорала во мне огарком.

Но сквозь горячечный бред полночный
Думала я об одном, тоскуя, –
Срезали косы мне, жалко очень,
Новую ленту куда вылету я?

Тьма уже в сердце мое стучала,
Трудно лежала, едва дыша я,
Но приказала мне жить сначала
Солнечным зайчиком мысль живая.

И отодвинулась смерть с косою,
И поднялась я навстречу солнцу,
Сверстница славной москвички Зои
И современница краснодонцев!

Я люблю, когда в небе плачут
Проводов голубые нити...
Без любви жизнь так мало значит –
Вы поймите меня, поймите!

Без любви жизнь так мало значит...
И в глазах моих звезд узоры,
Пусть в тени меня клены спрячут –
Я пройду вдоль его забора.

Жизнь любовь залила мне светом,
Одарила силой безмерной,
Если б мог ты узнать об этом,
Полюбил бы меня наверно.

Чтоб дерзать мне снова и снова,
Чтоб стремиться в большие дали,
Я и сына хочу такого,
Чтоб тебя в нем все узнавали.

Чтоб, как равные, шли с тобою
Мы навстречу мечте и солнцу,
Шли на подвиг, на смерть, как Зоя,
Как бессмертные краснодонцы.

**

От Горячих Ключей
И до Краснодара
Земля, которая
Все повидала,
Вобравшая слезы,
Впитавшая кровь,
Зазеленела
Вновь.

От Горячих Ключей
И до Краснодара,
Где все от снарядов
И мин пострадало,
Твой путь озаряла
Звезда светлячка,
Твой путь озаряла
Издадека.

В Горячих Ключах
Госпиталь полевой.
Там девушка есть
С золотой головой.
Дойти до Берлина
Солдату велят
Горячие косы
И преданный взгляд.

От Горячих Ключей
И до Краснодара
Ты помнишь не только,
Как смерть бесновалась,
Ты помнишь, как жизнь
Поднималась на бой
Поэмою трудною
Рядом с тобой.

Садись,
докажи, что поэт ты,
на деле —
Жизнь опиши,
человека в шинели.

ЗАЗДРАВНАЯ

За родины нашей большие просторы
Поднимем бокалы, друзья!
Стоят на железе грузинские горы,
И сдвинуть их с места нельзя!

О родина! Слава твоих поколений
Над нами, как солнце, плывет,
И предков могучих великие тени
Благословляют народ.

Знамена несметных полков проплывали
В огне и дыму батарей.
И отблески славы мерцают на стали
Победных советских мечей.

Погибшим вдали от отечества – слава!
Сказанья о них не умрут,
Пусть вечно простые солдатские лавры –
Цветы на могилах цветут.

За тех, кто прошел через пламя и вьюгу,
Кто в белой пурге ночевал!
За нашу пехоту! За конника-друга,
Что смерти навстречу скакал!

Их трудные битвы и подвиг их громкий
Салютом встречала страна.
Бессмертные с ними – запомнят потомки
Святые бойцов имена.

За тех, кто прошел сквозь огонь Сталинграда,
Кто насмерть стоял под Москвой,
Спас Киев и Минск и сквозь дым канонады
Добрался до Вислы седой.

За тех, кто в бой по приказу отчизны
Полки в наступление вел,
Кто к светлому счастью и радостной жизни
Дорогами горя прошел.

Пусть громкою славой и дружбою братской
Победные песни звучат
О тех, кто тяжелой походкой солдатской
Прошел по вершинам Карпат.

Кто шел под осколками, страха не зная,
Сквозь версты военных дорог,
И кто берега голубого Дуная
В свинцовом дыму пересек.

За тех, кто под пулею, бомбой, снарядом
Окончил свой путь боевой,
Чье имя высокое – с предками рядом –
Сияет грузинской звездой.

Крылатому племени песня простая,
Бокалов торжественный звон!
Вернулась домой соколиная стая
Под сенью победных знамен.

Отчизна!
Салютами ты осветила
Дороги победы своей,
И солнце грузинское озолотило
Героев и их матерей.

1944

АР ДАИДАРДО, ДЭДАО!*

Был я юношей пригожим,
Шел по славному пути,
Девятнадцать весен прожил,
Не дожил до двадцати.
Прямо с марша в битву брошен,
Пал, чтоб родину спасти.

Враг хотел, чтобы грузинка
Бедной беженкой была.
Был я в смертном поединке
Зорче горного орла.

Не рыдай же, мать, о сыне!
День прощанья, вечно длись!
Нет утраты. Нет унынья.
Мать и сын в одно слились.

Но прости, когда паду я,
Если смертью огорчу,
Если голову седую
Черным крепком омрачу.

И пока картвелы давят
Виноградный зрелый сок,
Пусть Левана вечно славят,
Ибо жребий мой высок.

Если спросят в день победы,
Отвечайте: – Сын-смельчак
Там, где прадеды и деды,
В их немеркнущих лучах.

Не рыдай же, мать, о сыне.
День прощанья, вечно длись,
Нет утраты. Нет унынья.
Мать и сын в одно слились.

---

* Ар даидардо, дэдао! (груз.) – не рыдай, матери!

ПЕСНЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Я десять раз к земле приник,
Я десять раз воскрес,
Едва огней твоих достиг,
Затмивших все окрест!

Огни ль цветут, цветы ль горят –
Не ведаю уже.
Один лишь на Мтацминду взгляд –
И бог весть что в душе.

Как звезды поняли, добры,
Волнение мое!
Я горстью зачерпнул Куры –
Как жаждал я ее!
Тбилиси воздух, полный чар,
Обрел я неспроста:
Да опалит меня твой жар,
Да опьянит мечта!

Я был далеко, видел кровь,
Я принял смертный бой,
И ныне я с тобою вновь,
Я, вскормленный тобой!
Я рану в дар на этот раз
Принес тебе – пустяк...
Но этой раной в страшный час
Был остановлен враг!

Где б я ни дрался – всякий миг
Я защищал себя,
Горячий цвет твоих гвоздик
Без памяти любя.
Иль ты не слышал гром ружья –
В твою, Тбилиси, честь?..
Лети ж, мой голубь, весть моя –
Еще здесь мама есть!..

1944

Константин ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ЦАБУНЯ

1.

Когда идет дождь, — а в апреле в Рионской долине он хлещет беспрерывно, прямой, негибкий, словно стальная проволока, сбивая цветы с алычовых деревьев, — девочка достает из старенького, расшатанного комода серый полупалок.

Он совсем новый, еще кусают шею и плечи необмятые шерстинки, — мать только ползими носила его.

«Вот прошла дочка Абуладзе», — говорят соседи, заслышав, как шлепают по мокрому асфальту ее большие мужские калоши.

И все знают, что маленькая Цабуня идет в это раннее утро на вокзал встречать санитарный поезд.

В хорошую погоду она пробегает добрую половину дороги босиком, и ее подпаленные у жаркого очага худенькие ноги мелькают из-под короткого ситцевого платица, и только за аптекой, где начинается главная улица городка, она, не присаживаясь, словно аистенок, стоя на одной ноге, надевает желтые сандалики.

У нее тонкие длинные руки с острыми локтями, да и вся она тонкая и длинная, как вязальная спица.

Наверное, в свое время Цабуня станет стройной красавицей, а пока она лишь одиннадцатилетняя нескладная девочка, и столько золотистых веснушек на ее лице, словно кто-то высыпал на него целое сито отрубей.

На станции жалеют Цабуню, и если поблизости нет большого начальства, ее пропускают в санитарный вагон. Он прибывает с первым потийским поездом, и обычно его отцепляют за высоким пеше-

ходным мостом, который черной, закоптелой дугой висит над железнодорожными путями.

— Вы в Керчи воевали, дяденька? — спрашивает она, заглядывая в душное купе.

Ее чуть мутит от едкого запаха махорки и лекарств. И пока маневровый паровозик отводит вагон к деревянной платформе, девочка успевает поговорить со многими.

— Четыре месяца отец не пишет. Абуладзе его фамилия. Может, встречали?

— А зовут его как?

— Валико.

— Валико Абуладзе? Нет, девочка, не встречал.

Она тихо закрывает дверь. Легко, бесшумно скользит она по длинному узкому коридору вагона, и через минуту снова слышится ее прерывающийся от волнения голос:

— Вы в Керчи воевали, дяденька?

2.

Жили они на старой Самтредской дороге, в поселке у чайной фабрики, на которой отец Цабуни с мая до поздней осени работал весовщиком. Когда на плантациях кончали сбор зеленого листа, отец уходил в городок. Там, на большой товарной станции, его охотно принимали в бригаду грузчиков.

Под вечер, накинув на плечи старую бурку, зажав под мышкой буханку свежего хлеба, он возвращался домой. До поселка было около трех километров. Трезвым отец Цабуни проходил расстояние за полчаса, хотя вообще, как и все грузчики, он не любил быстро ходить.

Но когда случалось ему выпить с приятелями в станционном буфете, на эти три километра уходило куда больше времени, потому что, захмелев, он любил немного помечтать, да и по сторонам поглядеть, как люди добрые живут. А известно, когда в пути

человек размечтается или заглядится на что-нибудь, ноги не особенно торопятся.

А мечтал он иметь постоянную работу на чайной фабрике: и к дому ближе, и заработок верный. Он еще с прошлого года откладывал на сберкнижку деньги, чтобы семья не нуждалась, когда он поедет в Кутаиси на курсы механиков. Но началась война.

Цабуня часто писала отцу. Вечером, затенив лампу бумажным колпачком, чтобы свет не мешал спящему братишке, девочка, склонившись над тетрадь, старательно выводила чернильным карандашом большие, жирные, словно печатные, буквы.

А утром она просыпалась с лиловой полоской на нижней губе, и маленький Уча обиженно хныкал:

— Опять на меня папе жаловалась...

Последнее письмо отца пришло на Новый год. Оно было с Крымского фронта. С того дня минуло четыре месяца, а почтальон еще ни разу не заходил в их дом.

Мама была больна. Под ней сломалась лестница, когда она собирала тутовые листья для шелкопряда.

Ее привезли из больницы в гипсовой повязке. Мать велела поставить свою кровать у самого окна, и когда в полдень почтальон проходил по улице, она подзывала Цабуню и говорила:

— Сбегай, доченька, к соседям. Узнай, кто там письмо получил. Может, что и о нашем отце пишут...

А потом в городок начали прибывать раненые из-под Керчи. Цабуня почти каждое утро бегала на вокзал, но все понапрасну: след ее отца затерялся где-то за далеким Азовским морем.

Так прошел дождливый апрель.

Как-то раз девочка опоздала к потийскому поезду. Санитарный вагон уже отцепили, и около него тихонько подрагивали два стареньких автобуса с

красными крестами.

Цабуня, как обычно, прошла по вагону. Раненых было немного, они охотно разговаривали с девочкой, кто-то даже подарил ей плитку шоколада, но больше ничем не могли ее порадовать. Валико Абуладзе они не знали.

Цабуня немного постояла в конце коридора, все еще не решаясь покинуть вагон.

Вдруг ее окликнул какой-то раненый. Он уже лежал на носилках, и санитарки торопливо собирали на полке его небогатый солдатский багаж.

– Девочка, а кто он тебе, Валико Абуладзе?

Цабуня увидела бледное, худое лицо раненого, с такими светло-золотистыми усами, словно они были сделаны из кукурузных шелковинок.

– Отец... – всхлинула девочка и, не ожидая никакого чуда, хотела пройти мимо.

– Отец? – переспросил он. – Что ж ты раньше мне не сказала, маленькая? Отец твой жив-здоров, я его недавно видел. Велел передать, чтобы дома не беспокоились...

Он еще что-то сказал, но потрясенная Цабуня уже ничего не слышала: кровь зашумела у нее в ушах. Не помня себя от радости, она перепрыгнула через какие-то свертки, мешки с бельем, чуть не сбив с ног санитарку и выскочила из вагона.

«Скорей обрадовать маму! Скорей!..» – только об этом думала она сейчас, задыхаясь от быстрого бега. Не разбирая дороги, не жалея свои сандалики, она бежала домой по весенним невысохшим лужам, и маленькие желтые утята испуганно разлетались во все стороны.

3.

Военный госпиталь находился в бывшем санатории железнодорожников, у самого берега Риони, в глубине большого старинного парка.

За чугунной оградой на садовой скамье сидел

дед – вахтер с обвислыми белыми усами, в фуражке железнодорожника с изломанным козырьком. На коленях он держал солдатский котелок с горячей похлебкой. Рука у него дрожала, и, чтобы не пролить ни капли соуса, дед подставлял под ложку ломоть черного хлеба.

Беспокоить рабочего человека во время еды неприлично, поэтому Цабуня некоторое время молча постояла в сторонке, в тени белой акации. И только когда вахтер закончил свой стариковский обед, девочка подошла к калитке.

– Дедушка, пропусти меня в госпиталь.

Старик не спеша повесил на ветку пустой котелок.

– А тебе кого нужно?

– Одного раненого хочу видеть.

– А кто он?

– Товарищ моего отца... А как зовут – не знаю.

И Цабуня, сбиваясь и волнуясь, рассказала старику о том, что произошло вчера в санитарном вагоне.

– Ах ты, дурочка! – неодобрительно покачал головой старик. – Как же ты имя у него не спросила?!

Цабуня коротко вздохнула.

– Мама меня тоже поругала. Сперва плакала от радости, а потом говорит: «Горе мне, как же мы теперь этого человека найдем?» А я говорю: «Не беспокойся, мама, найду...»

– Ишь ты!.. – сказал старик, приоткрывая калитку. – А ты из каких Абуладзе? Из заречных или ящеролизов?

– Ящеролизов, – неохотно ответила Цабуня. Она терпеть не могла этого уличного прозвища семьи Абуладзе.

– А-а, Несторова внучка! Знавал я твоего знаменитого деда. Знавал!.. – старик даже крикнул от удовольствия. – Скупой он был мужик, упаси боже! И через свою скупость фамилию вашу навеки погу-

бил. Ох, и была потеха!.. Слышала?

Еще бы! Цабуня не раз слышала всякие небылицы про скупость покойного деда Нестора. Рассказывали и такое: однажды, когда он работал на своем винограднике, ему принесли обед. Дед расположился на траве, и, пока нарезал хлеб, в миску с лобии нечаянно прыгнула зеленая ящерица. Для другого человека обед после этого уже не обед, а Нестор был не таков.

«Твоего не хочу, в своего не дам!» – воскликнул он и, недолго думая, схватил вымазанную в густом соусе ящерицу, облизал ее с головы до хвоста и бросил в кусты.

Так оно было или не так, но с того часа прилипла к семье Абуладзе обидная кличка – ящеролизы.

– Спичку на четыре части делил! Ох-хо-хо!..

Долго еще смеялся старик, вспоминая проделки скупого Нестора. Потом его начал душить кашель. Он махнул рукой и, немного отдышавшись, сказал девочке:

– Входи, входи, Несторова внучка. Только как ты своего раненого найдешь? Много их у нас...

– По усам, дедушка. Они у него рыжие, в жизни таких не видела. Я быстро... Поговорю с ним немного – и назад.

– Нет, доченька, так нельзя. Это тебе не вокзал. У нас другой порядок. Подожди меня здесь, – сказал старик и, закрыв на замок калитку, бодро зашагал по усыпанной битым кирпичом дорожке.

Вернулся он не скоро, вместе с молодой санитаркой.

– Вчерашние еще в приемной лежат, – сообщил он девочке. – Пойдешь с ней, она покажет...

4.

«Товарищ начальник госпиталя! Обращается к вам младший сержант Арчил Месхи, находящийся на излечении в палате №2 хирургического

корпуса. Я бы не беспокоил вас, но попал в такое затруднительное положение – просто спасения нету. А потому настоятельно прошу перевести меня в другой госпиталь, все равно в какой, по вашему усмотрению.

Может, причина покажется вам неуважительной. Скажете: «Мудрит солдат», – но дочитайте мое письмо до конца и судите сами.

Вы, наверное, слышали, что ко мне ходит маленькая девочка по имени Цабуня. Она думает (да и все в госпитале уверены в этом), что я друг ее отца, близкий ему человек. Но, товарищ начальник, тут недоразумение произошло.

Дело в том, что отца этой девочки я в глаза никогда не видел и фамилию его услышал впервые две недели тому назад от самой Цабуня, когда она пришла к нам в санитарный вагон.

Смотрю: стоит она в коридоре, маленькая веточка, надломленная грозой, и плачет – даже не плачет, а молча глотает горькие, недетские слезы.

Не выдержало мое сердце, товарищ подполковник! И, не задумываясь, я сказал ей, что знаю Валико Абуладзе, видел его недавно живым и здоровым. Может, что и неправильно я сделал, но мне так хотелось ее утешить!.. Думал я по простоте своей душевной, что на этом и поставим точку. А вышло по-другому.

Привезли меня к вам в субботу, а в воскресенье лежу, отдыхаю после перевязки, вдруг входит в нашу палату эта самая Цабуня и прямо ко мне. Я так и обмер.

– Узнаете меня, дяденька? – спрашивает она и, как взрослая, здоровается со мной за руку.

«Узнать-то узнал, но что мне еще тебе сказать, девонька!» – подумал я.

– Вам можно разговаривать? Я пришла узнать о нашем папе...

Что мне было делать? Признаться, что я не знаю

ее отца? Но вы бы посмотрели в ее глаза – они так сияли и столько ждали от меня радости, что я не осмелился сказать ей правду.

– Садись, маленькая, – только и мог я вымолвить.

Присела она на краешек кровати и смотрит на меня, а я вожусь, сигарку свертываю, прикуриваю, но чувствую – больше молчать нельзя. Собрался с духом и давай рассказывать девочке, какой отец у нее храбрый, непобедимый и как боятся его фашисты.

Слушала она меня, стучала и вдруг спрашивает:

– А почему папа так долго не пишет?

Нелегко ответить на такой вопрос. А надо. Сказал, что солдата могут послать на особое задание, а оттуда писем не шлют. И почту могут разбомбить в дороге. На то и война...

С того и началось. Привязалась она ко мне, как к родному. То приходит одна, то с маленьким братом Учой, а позавчера привела своих школьных подруг – послушать, что я рассказываю про ее отца.

Поверьте, товарищ подполковник, просыпаюсь я утром и ни о чем больше думать не могу. Знаю: придет Цабуня... вот лежу и выдумываю для нее всякие истории. Валико Абуладзе один против фашистского танка, Валико Абуладзе выручает в бою товарища, Валико Абуладзе приводит «языка»... Устал я, товарищ подполковник, небогат, должно быть, на выдумки, а главное – страх меня берет: напугаю что-нибудь, проговорюсь, – ведь моя правда ходит на тоненьких ножках. Жалко девочку... Лучше мне уехать из этого города. А Цабуня пусть дожидается своего отца... На войне, сами знаете, всякое бывает. Думают, пропал человек, а он гляди, целым и невредимым объявился».

Отар МАМПОРИЯ

ДРУГУ, ПОГИБШЕМУ НА ВОЙНЕ

Кто из нас не плакал в детстве
в деревянной колыбели
И кому из нас ночами «баю-баюшки» не пели,
Кто «Родную речь» с пеналом не носил с собой
в портфеле?

Кто не мнил себя Арсеном, сыном доблестным
народа,
Кто верхом на хворостине не кидался за ворота,
Кто, с годами подрастая, не листал поэму Шота?

У кого не билось сердце, опаленное любовью,
Кто умел легко справляться с молодой, горячей
кровью?
Кто, любя родную землю, не боялся суесловья?

А когда на наше небо тучи хлынули с заката
И затмила мир и радость эта траурная дата,
Чьи сердца не наполняла гневная печаль
солдата?

Отчий край не сокрушили все бесчисленные
беды,
Вдохновляли нас на битву наши прадеды и деды,
Мы уверовали свято, что наступит час победы!

Но о том, кого укрыла тень крыла нездешней
птицы,
У кого теперь навеки крепко сомкнуты ресницы
И в очах очаг родимый никогда не отразится,

В чьей груди сквозную рану целовал весенний
ветер,

Сохраню я память верно, сколько бы ни жил
на свете,

И пребудет предо мною образ друга, чист и
светел.

А случается, что небо потемнеет голубое,
Дунет ветер, дуб могучий зашумит своей
листвою,

И как будто голос друга слышу я над головою.

И поют герою славу горы голосом Риони.

Увидав меня без друга, волны, бешенные кони,
Присмирят на минуту, и скала слезу уронит...

Я НА ГРУДИ НОШУ
МАЛЕНЬКОЕ ПИСЬМО

Вчера получил от тебя я конверт,
Его на груди я ношу,
Ношу, как сокровище, как амулет,
О нем никому не скажу.

Вчера лишь друзья его отдали мне,
И вскрыл я письмо, торопясь:
Шуршал снегопад, и снежинки во тьме
Спускались на плечи, кружась.

С улыбкой не раз перечитывал я
Письмо – и опять перечту;
И болью наполнена дума моя:
Я весь превратился в мечту.

Когда ты писала, родная, его, –
Не лги, – ты печальна была.
Хоть обе страницы письма твоего
Вещают, что ты весела.

Неправда! Хоть плакала ты вдалеке,
Но слезы тебя выдают.
Они расплылись по чернильной строке –
Подтеки от них там и тут.

О чем горевала ты? Жизнь без меня,
Я знаю, тебе тяжела...
А пишешь мне, втайне тревогу храня,
Что весело ты прожила!

Утешься! Война отгремит, и опять
Увидим мы счастье свое.
Ведь вся наша жизнь – это родина-мать,
Свобода и радость ее.

Тебе покажу я письмо-амулет,
Вернувшись домой по весне,
А в сердце останется горести след,
Как память об этом письме.

Пока ж не вернусь, дорогие слова
Не раз прошепчу я в разлуке:
– Полевая почта 72,
Маргиани в собственные руки.

1942

КОГДА УМОЛК ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Когда вчера умолк последний бой
И стал холодным жаркий ствол винтовки,
И крик атак улегся над землей,
И гром артиллерийской подготовки;
Когда пришел отдохновенья час
И тишина настала перед ротой, —
Какою вдруг печалью и заботой
Повеяло на каждого из нас.

Из тишины замолкнувших полей
Возник напев, тоскующий и страстный.
Ах, все свирели Грузии моей
Не знают песни более прекрасной!
Душе грузина свойственно в бою,
Завидев смерть, так сладко петь о жизни,
Чтоб облака, плывущие к отчизне,
Несли ту песнь на родину мою.

Чтоб девушки родной моей земли,
Моей родной, счастливой колыбели,
Заслышав песнь знакомую вдали,
О брате погибающем скорбели, —
О том, кто здесь отважен был и смел,
Кто превозмог все горести и беды,
Кто пал в бою, кто в час своей победы
В последний раз свою отчизну пел.

Так, оглашая песнями поля,
Мы бьемся даже на краю могилы,
Чтоб родины священная земля
Всегда цвела, исполненная силы.
И что дивиться, коль напев бойца,
Который пел перед своей кончиной,
Спаял нас в круг железный и единый
И переполнил мужеством сердца.

***

Война, как буря, пронеслась,
и небо снова в синеве.
Но пороха следы у глаз –
он опалил ресницы мне.

Нет, не умолк он, гул войны,
в предгрозые посвист путь слышней,
и слезы горькие видны
на скорбных лицах матерей.

Артиллерийский гул сплошной
еще на сердце не утих.
И душный орудийный зной
горит все на щеках моих.

Друг, не вчера вернулись мы
орлиной стаею домой,
где гасли очагов дымы...
А сердцу мил и чужд покой.

Проходят ясные года,
как бы минуты – по часам,
не много мира и труда
пока познать досталось нам.

Не много раз в краю родном
я в поле был – за много лет, –
когда в давящие за окном
мерцал и восходил рассвет.

Добился я, чтобы родной
мой первенец привык ко мне.
Да, долго длился путь домой –
четыре года на войне.

И так неловко засыпать
мне дома, а не на войне,
так непривычна мне кровать –
сто раз проснусь в тревожном сне.

Пилотку я не износил,
погон еще не выцвел мой,
я до конца не ощутил,
что целым я пришел домой.

И память о друзьях болит,
еще в полях я не устал,
не раз мне щеки опалит
вспоминаний жаркий шквал.

Пока друзья не сели в ряд,
пока врагов я не простил,
я помню все, мой автомат
в руках железных не остыл.

РОВЕСНИКАМ, ВЕРНУВШИМСЯ С ВОЙНЫ

Мы живы,
но имеем ли мы право
забыть совсем другие времена?
Нас глухотой не одарила слава,
и с нами вновь беседует война.
Мы из потопа вышли.
Мы огрубли.
Но с нами остается навсегда
завернутая в тлеющие угли,
нас жгущая,
прошедшая беда.
Мы живы.
Ад – на рай.
Был ад почище,
когда мы шли сквозь кровь и сквозь века,
сносив на фронте тысячи пачичей,
сносив шинелей серых облака.
Мы живы.
На телах от ран – заплаты,
но эти наши раны не прошли.
Остались мы детьми войны проклятой,
навек неотмываемой пыли.
Мы живы,
но победы праздник поздний
не сделал светлым пройденный наш путь,
ведь иногда и птиц веселый посвист
напоминает нам о свисте пуль.
Мы живы,
но опять мы дышим пеклом,
когда наткнемся,
сидя допоздна,
на треугольник
пахнущего пеплом
забытого солдатского письма.
Порой писали раненой рукою,

писали и на чьей-нибудь спине.
Как я хочу вас воскресить строкою,
товарищи мои по той войне!
Товарищи,
мы с вами постарели,
и тайно замедляется наш путь,
но перезвон ручьев
и птичьи трели
должны мы взять с собой в последний путь.
Нам надо взять с собою и утраты,
и пушечный,
вовек не смолкший
гром,
и всех побед,
и всех трагедий даты,
охваченные дымом и огнем.
Мы живы.
Мы спаслись.
Почти что сказка,
и видит солнце, по делам спеша:
от дыма закоптела, словно каска,
усталая солдатская душа.
Что делать —
мы теперь не те, что прежде.
Порой слеза горчайшая скользнет,
но наши непогасшие надежды
вновь под защиту Родина возьмет.
Мы живы,
но имеем ли мы право
забыть совсем другие времена?
Нас глухотой не одарила слава,
и с нами вновь беседует война.

БРАТЬЯ

Вьюга кружилась в бешеной злобе,
тихвинский ветер выл о расплате...
Двое лежали в одном сугробе,
двое очнулись в одной палате.

Вместе сражались и вместе жили,
поровну славу и хлеб делили.
Поровну воду, поровну соль,
поровну раны и поровну боль.

Не было крепче на свете родни!
Одновременно упали они.
В гуле метели, сквозь снежную пену
смерть их увидела одновременно.

Ночь их накрыла большими снегами,
двое ползли через темень и вьюгу,
слабыми ранеными руками
силсяя помочь хоть немного друг другу.

Враг захлебнулся в потоках огня,
выла картечь по колоннам разбитым...
В темном лесу два буланых коня
всадников ждали и били копытами.

Всадники сесть на коней не могли,
всадники навзничь в сугробы легли...
Двое бойцов, родные два брата,
двух приютила одна палата...

Солнце поднялось над ширью равнин,
в окна стучится день молодой.
«Как брат поживает?» – спросил один.
«Как брат поживает?» – спросил другой.

Дождь смертоносный людей косил.
Древнюю землю взрывал металл.
«Жив ли мой брат?» – один спросил.
«Жив ли мой брат?» – другой простонал.

А море снов, как в бурю челн.
Качало койку, кружило палату.
И врач, констатируя смерть, прочел
в глазах бойцов агонию брата.

Лишь тем, кто, не дрогнув, прошел сквозь бои,
победа раскроет двери свои!
О братьях, что жили, сражаясь рядом,
легендам звучать и звенеть балладам!

1941

МОРСКОЙ ОРЕЛ

*Земляку-орденоносцу
капитану А.Цурцумия*

Вот родины последний мыс,
А дальше – море без охвата.
Паря над ним, ты смотришь вниз,
Не встретишь ли судов пирата.

Но вот клубится дым вдали.
Не остров ли пучина прячет?
Нет, это вражьи корабли
В тумане лесом мачт маячат.

Ты поравнялся с их чредой.
Три взрыва, брызги, гул и пламя.
Три вражьих судна под водой.
Три ямы под тремя столбами.

Вперед, но грохот за спиной.
Ты говоришь, не унывая:
«Как ни гонитесь вы за мной,
Я увернусь от вашей стаи».

Быть первым в буре и бою
Твое разительное свойство.
Я в восхищенье воздаю,
Что должно, твоему герою.

Тобою все поражены,
И все тебе в Союзе рады.
Достойный сын своей страны,
Достоин ты ее награды.

Тобой в мшигрельской стороне
Гордятся с основаньем предки,
А я горжусь тобой вдвойне:
Мы земляки и однолетки.

Ты радость матери. С высот
Ты видишь за зеленой гранью
«И гад морских подводный ход
И дольней лозы прозябанье».

Лети, герой, лети, орел,
Предвестьем стаи соколиной.
Куда б грабитель ни ушел,
Кидайся молнией в спину.

Лети, орел, лети, пари
Защитником по белу свету,
Твоих полетов пустыри
Я озарю стихов ракетой.

1942

Маквала МРЕВЛИШВИЛИ

БЕРЕГА ГОЛЛАНДИИ

Грузины, читайте стихи по-грузински,
соленую влагу вдыхайте легко...
Здесь берег в тумане виднеется низкий.
До острова Тексель* – недалеко.

И как бы туманы его не скрывали,
он старой бедой шевелится во мне.
О, как наши юноши здесь тосковали
по родине, по тишине, по весне!

А сколько пришлось им томиться и мучаться
и всматриваться в рассветный дым...
Я в горсть соберу свое слабое мужество –
спасения позднего выпрошу им.

...А волны бегут торопливо и весело,
и море из синего дыма встает,
и к острову Тексель, к острову Тексель
все тянется скорбное сердце мое.

---

* На острове Тексель в апреле 1945 г. произошло восстание советских военнопленных-грузин.

БАЛЛАДА О ДВУХ МАЛЬЧИКАХ

I
Помню, год сорок второй –
на подножку, словно ветер,
прыгнул где-то возле Млети
мальчик с русой головой.

Поезд бросился в тоннель.
Ночь за окнами завьла,
и армейская шинель
оборванца поглотила.

Грязный беженец дрожал,
согривался, недовольный,
и, как равный, рассуждал
со старухой сердобольной.

А потом он вдруг запел,
и за худенькой спиной
самолет пылал свечою,
на полях металл кипит.

Встали черные мосты,
зверства жуткие уроки,
деревянные кресты
и разбитые дороги.

Смыты копать и короста,
но, как двадцать лет назад,
слышу – детство и сиротство
друг о друге голоса...

С плачем следовала песня,
расстилаясь, словно дым,
по родным степям и весям
и вокзалам тыловым.

Белокурый мальчик пел,
и тоска переселенца
остриями черных стрел
разрывала миру сердце.

Клятвы, крики, расставанья,
вдовьи слезы тишины,
смех, безрукие свиданья,
искалеченные сны...

Что мне больше и дороже?
Отрыдавшие вдали
мои старые дороги
или новые мои?

Струны радости и смеха
и сомнений тупики,
дайте силы дальше ехать
нежеланью вопреки.

II
Еду прежней колесой –
и, как прежде, возле Млети
на подножку, словно ветер,
прыгнул мальчик озорной.

За спиною у него
дадь полощется, пестрея.
Мотылька не тяжелее
жизни маленькой ярмо?

Слышу – свищет и хохочет,
песню пробует начать,
словно он, веселый, хочет
жеребенка оседлать.

Ливни, радуга, сады
опьяняют воздух нежный,
обнимает синий дым,
кружат голову надежды.

И в трепещущей рубашке
на подножке тень висит,
словно грустный день вчерашний
за сегодняшним бежит.

ГАВРОШ, ПААТА, ОЛЕГ И ДРУГИЕ

Нет человечества
без мальчишества.
Нам без мальчишек
по-старчески дышится.
Времени
стариться
преждевременно.
Может, поэтому
время
беременно
непредугаданными мальчишками,
теми,
что станут легендами,
книжками.
Пусть убиваются
папочки,
мамочки:
«Мальчики!
Боже, совсем еще мальчики!
Дети, домой,
к вашим куклам,
игрушкам,
Только к игрушечным ружьям
и пушкам!»
Тащат насильно с улицы в дом
И заклинают
чуть не со стонами:
«Дети,
не надо играть с огнем,
И с революцией,
и с историей!»
Но приговор истории
мальчики
Пишут,
забыв свои детские мячики.

Я
проявляю
гуманность поэта.
Остановить мальчишек пытаюсь,
Но не боятся мальчишки запрета.
К подвигам рвутся,
как в таинство таинств.
Кто легендарен –
тот своеволен,
И уговорами недоволен...

Над взбудораженным гневным Парижем
Сыплется град
сумасшедших булыжин.
Кто там показывает
свой нор,ов,
Прыгая
через тела гренадеров?
Что там за чертик
над баррикадами
Песню насвистывает
под снарядами?
Порохом весь прокопченный в бою,
Руку
отталкивает
мою:
«Дядя, мешаешь...
Когда ты уйдешь?»

Я не уйду. Мне – нельзя.
Я – Гаврош.
Видишь – подсумки пустые на треть.
Должен
за Францию
я умереть!»
Над всадником юным,
скачущим в Персию,
Плывут облака –

белоснежные,
перистые.
А в мыслях плывут –
и отцовский облик,
И Носте родное,
как траурный облак.
Вцепляюсь в мальчишку,
как в младшего брата,
Но он отвечает мне так:
«Я – Паата.
Меня никому спасти не сумеь.
Должен
за Грузию
я умереть!»

Зима сорок третьего.
Звезды почти неживые.
Заснули немецкие часовые.
Не спит один мальчик.
Россия не спит,
И снег по-предательски громко скрипит.
И шепчет сиянием
звездная высь:
«Измена!
Ты предан.
Остановись!»
Но мальчик,
как будто бы в будущий век,
С улыбкой в ответ:
«Не могу.
Я – Олег.
– На что ты надеешься, мальчик,
ответь?!
– За Родину
должен
я умереть!»

Вот с финкою кто-то ползет
и стекает луна по ножу.
Прижался, как будто к корме корабля,
к блиндажу.
Я памятник твой в Тианети увижу потом,
капитан.
Как мальчик седой,
ты стоишь несгибаемо там.
Нет, мальчики нет не умирают!
Их убивают – и только.
В их детских руках
бронзовеют знамена надежды и долга.
В их детских руках не игрушки –
оружие,
книги,
мольберты.
Без мальчиков этих
не может быть нашей победы!
Мальчишка без опыта лучше,
чем опытный старый обманщик.
Эй, кто там идет из будущего?
Какой легендарный мальчик?

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

I

Я дорогами иду. Шаги сверяю.
Прямо к прошлому ведут меня они.
Как рубахи – я года с себя срываю,
Как туманы – их швыряю на плетни.

Вот прошел я двадцать зим и двадцать весен,
Чтобы снова очутиться в той поре,
И, как маленький кораблик, якорь бросил
На забытом, на минувшем том дворе.

...За хребтом еще идет война большая.
Мы играем – очень маленький народ, –
Долго-долго, наших игр не нарушая,
Почтальон стоит печальный у ворот.

Он стоит. А тень его ступает глухо,
Входит в двери, и темна и высока...
В нашем доме умерла потом старуха,
Не дождавшись возвращения сынка.

Уж такие мы: теряем, все теряем,
С фотокарточек с улыбкою встаем,
Все на свете забываем, оставляем,
Лишь надежды никому не отдаем.

II

Снова время я листаю. Даты, даты...
Жизнь рисует невозможное сама:
Возвращаются погибшие солдаты,
Чтоб увидеть позабытые дома.

Во дворе стоит, смеется путник поздний,
Очень рад он возвращенью своему.
Все понятным станет после, после, после.
А пока я лезу на руки к нему.

Прикасаюсь я к щеке его небритой,
Удивленья не скрываю своего:
Как же это воротился он, убитый?
Хорошо, что взрослых нету никого.

А солдат не удивляется, смеется,
Крутит правою рукою колесо
И склоняется, как птица, над колодезем,
Плещет воду ледяную на лицо.
Виноградником проходит, старым садом,
Синей тенью поднимается к трубе.
«Твичи, твичи...» – постоит с теленком рядом
И смеется, как ребенок, сам себе.

III

Сколько разных их мелькнуло перед взором!
Лишь мелькнуло. Не осталось ничего.
Навыдумывал я, сам нафантазерил –
Жизнь сурова: не упустит своего.
Через боль, и через скорбь, и через силу
В трубы траурные трубачи трубят:
«Кончен отпуск. Снова в братскую могилу
Возвращайся, неприкаянный солдат!..»

Вот идет солдат. Идет прямой и строгий.
Что он думает? Печалится о ком?..
Фронтовые, пережитые дороги
В самом сердце затаились узелком.
Он шагает по проселкам по горячим,
Мною выдуманный, горький родич мой...
Мы бежим за ним, мальчишки. Плачем, плачем.
Все вернуть его стараемся домой.

IV

О дороги, прошлых зол не повторяйте,
Не змейтесь вы траншеями в полях.
Вы ребят не уводите, не теряйте,
Вы подумайте о наших матерях.

О дороги, вас омыли кровь и ветры!
Где начало вам, дороги? Где конец?
Никогда уж не вернутся ваши жертвы,
Как в стволы не возвращается свинец.

Населяют землю вечные невесты.
Надоело разлучаться и терять!
Будьте прокляты, дороги наших бедствий...
Вы не смеее вернуться к нам опять!

МИР

Гору, как патронташ, опоясывает траншея,
Еле заметная в гуще репья и порея.

Солнце вокруг и трава стоит непомятая,
В траншее валяется каска зеленоватая.

В каске – гнездо, в гнезде на яйце – птица,
А в этом яичке – самая суть хранится.

ЧЕЛОВЕК НА КОСТЫЛЯХ

Вот – на костылях висит человек,
Как на ночах – отвоевавшийся день,
Как висит обычно распятая жизнь
На датах рожденья и смерти.

Оборачиваясь, прохожие смотрят вслед
Жизни, с трудом взгромоздившейся на ходули.
Тело его и душу годы войны,
Как стальные гусеницы, пропахали...

Мертвою хваткой вцепился он в костыли,
Словно еще выкарабкивается
из разверстой могилы.
Вот вам картина в рамке из костылей,
Картина войны,
войною написанная.

О душа леса,
Матерь дерева
Корень и ствол,
Не вырастайте вовеки виселицами и крестами,
Пусть никогда из вас не вытешут костылей...
Аминь!

ДИАЛОГ МЕЧА И СЕРПА

Кто выиграл спор вековой, роковой,
Двуострый, звенящий кровавой травой?

Ты, меч, искривленный, как серп полевой.
Ты, серп, распрямленный, как меч боевой.

Иосиф НОНЕШВИЛИ

***

Не шумят над ней густые травы,
Ни цветка, ни надписи простой...
Спит в земле, простреленной и ржавой,
Девушка с косою золотой.

Чьей-то раны не добинтовала
И сама под пулями легла.
А ведь столько раз в боях бывала
И стрелять по-снайперски могла!

В час, когда ложится мрак проклятый,
К ней приходит сквозь гремящий бой
Партизан под буркою крылатой,
Саблю занеся над головой.

И, приникнув к холоду могилы,
Говорит: «Любимая, прости!
Сталь моя десятерых сразила.
Завтра будет больше десяти».

1942

ЗАЩИТЬ ЛЖУ РОДИНЫ

Герою Советского Союза Н.Адамия

Под могучим дыханием бури
Туча вдруг развернулась как парус,
И – уже не звеня как чонгури –
Встали волны за ярусом ярус.

И со скрежетом дикая сила
Понесла их на берег вслепую,
И кромешная тьма обступила
Севастополя землю святую.

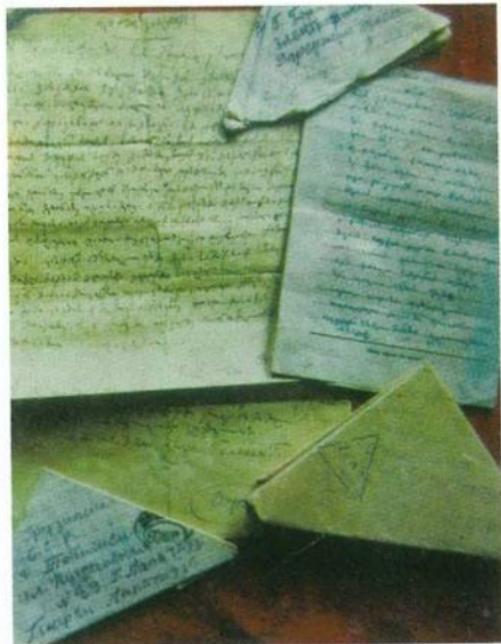
Грудь героя в железо оделась,
В жилах мощь взволновалась, играя,
Поднялась твоя гордая смелость
Ради чести родимого края.

Ты сражался в ночи непроглядной,
Чтобы Крым возродился на воле,
Чтобы сад зеленел виноградный,
Колосилось пшеничное поле.

Дал ты родине верное слово,
И клинок засверкал исполинский,
Чтобы враг твой заклятый – покровя
Не сорвал с головы материнской.

Так в старинных сказаниях было:
В гущу вражью врубается витязь...
Внукам скажем: недрогнувшей силой
Ваших доблестных дедов гордитесь!

Знамя красное рдело в полнеба,
Пламенела заря молодая.
Враг пришел ради нашего хлеба.
Землю крымскую грыз, умирая.

В жилах кровь закипела мужская,
Как еще не кипела дотоле.
Севастополь в ночи защищая,
Защитил ты отцовское поле.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МАМЕ...

Скромные строки мои посвящаются маме.
Не славословия – это совсем ни при чем!
Все, что я вижу,
я вижу твоими глазами.
Ты – у истока,
ты плещешь
прозрачным ключом.
Сколько ночей, напевая тихонько «Мзе шина»*,
в час, когда месяц сквозь штору тебя узнавал,
у колыбели еще несмышленного сына
ты не спала,
чтобы только спокойно я спал!
...Помнил я,
через войну грохоча сапогами,
помнил,
что некогда –
так ли уж давно? –
рядом со мной
ты ходила
моими шагами –
разве не падала только
со мной заодно...
Как не хватает порою мне этой поддержки!
...Ключ твой струится.
Он тих и прозрачен,
как был...
Как ты серьезно
болтала со мною
по-детски,
чтобы потом
я по-взрослому заговорил!
«Дети для счастья!»
«Да разве же с ними не горе?!»
Истинны обе из двух этих истин простых.

---

* «Мзе шина» (груз.) – народная песня.

Если не так – отчего мои детские хвори
столько тебе поприбавили прядей седых?
Трудное прошлое ты поминала с печалью.
Стала моею вся память твоя
о былом.
Вот почему
перед радужной завтрашней далью
Родину
в облике я представляю твоём!
Да!
Ты была
и осталась
немеркнущим светом.
В нынешнем дне
и в грядущем – с тобой мне светло.
Правда
яснее мне видится
в зареве этом,
но и черней оттеняются
зависть и зло.
Вот я стою.
Гражданин я,
поэт
или воин –
если достиг я признанья
и чьей-то любви,
если того, что имею, я вправду достоин –
мама,
ты знай:
все достоинства эти – твои.
Все, что соделал – твоими творил я руками.
Ты у истока,
ты плещешь прозрачным ключом!
...Скромные строки мои посвящаются маме.
Не славословия – это совсем ни при чем...

Булат ОКУДЖАВА

***

Здесь птицы не поют,
Деревья не растут,
И только мы, к плечу плечо,
Врастаем в землю тут.

Горит и кружится планета,
Над нашей родиной дым.
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим.

Лишь только бой угас,
Звучит другой приказ,
И почтальон сойдет с ума,
Разыскивая нас.

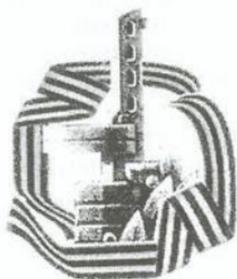
Взлетает красная ракета,
Бьет пулемет неутомим,
И, значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим.

От Курска и Орла
Война нас довела
До самых вражеских ворот,
Такие, брат, дела.

Когда-нибудь мы вспомним это
И не поверится самим.
А нынче нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим.

Нас ждет огонь смертельный,
И все ж бессилен он.
Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный
Десятый наш десантный батальон.

1969

ПРОВОДЫ У ВОЕНКОМАТА

Вот оркестр духовой. Звук медовый.
И пронзителен он так, что – ах...
Вот и я, молодой и бедовый,
с черным чубчиком, с болью в глазах.

Машут ручки нелепо и споро,
крики скорбные тянутся вслед,
и безумцем из черного хора
нарисован грядущий сюжет.

Жизнь музыкой бравурной объята –
все о том, что судьба пополам,
и о том, что не будет возврата
ни к любви и ни к прочим делам.

Раскалятся медные трубы –
превращаются в пламя и дым.
И в улыбке растянута губы,
чтоб запомнился я молодым.

***

А мы с тобой, брат, из пехоты,
а летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счеты...
Бери шинель –
пошли домой.

Война насгнула и косила.
Теперь конец и ей самой.
Четыре года мать без сына...
Бери шинель –
пошли домой.

Мы все – войны шальные дети:
и генерал, и рядовой.
Опять весна на белом свете...
Бери шинель –
пошли домой.

К золе и пеплу наших улиц
опять, опять,
товарищ мой,
скворцы пропавшие вернулись...
Бери шинель –
пошли домой.

А ты с закрытыми глазами
спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай,
однополчанин,
бери шинель –
пошли домой.

Что я скажу твоим домашним?
Как встану я
перед вдовой?
Неужто клясться днем вчерашним?..
Бери шинель –
пошли домой.

Мы все – войны шальные дети:
и генерал, и рядовой.
Опять весна на белом свете...
Бери шинель –
пошли домой.

***

Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал.
А может, это школьник меня нарисовал:
я ручками размахиваю, я ножками сучу,
и уцелеть рассчитываю, и победить хочу.

Ах, что-то мне не верится, что я, брат, убивал.
А может, просто вечером в кино я побывал?
И не хватал оружия, чужую жизнь круша,
и руки мои чистые, и праведна душа.

Ах, что-то мне не верится, что я не пал в бою.
А может быть, подстреленный, давно живу
в раю,
и кущи там, и рощи там, и кудри по плечам...
А эта жизнь прекрасная лишь снится по ночам.

***

От войны войны не ищут.
У войны слепой расчет:
там чужие пули рыщут,
там родная кровь течет.

Пулька в золотой сорочке
со свинцовым животом...
Нет на свете злей примочки,
да кого спросить о том?

Всем даруется победа,
не взаправду – так в душе.
Каждый смотрит на соседа,
а соседа нет уже.

Нас ведь создал бог для счастья
каждого в своем краю.
Отчего ж глухие страсти
злбно сводят нас в бою?

Вот и прерван век недолгий,
и летят со всех сторон
письма, словно треуголки
бонапартовских времен.

Морис ПОЦХИШВИЛИ

ТЫ НЕ БЕЗЫМЯННЫЙ

Померкло солнце над горами.
Нависли грузно облака...
Что стало с бравыми парнями?
В глазах их – горькая тоска.

Солдат безвестный, безымянный,
Прошедший огненную тьму,
Скажи, ты в край родной, желанный
Пришел так поздно – почему?!

Нет, это сердце не убито.
Нет, этот голос не убит...
Ничто на свете не забыто.
Никто на свете не забыт!

Вернулся к солнечным долинам –
Лесов, и трав, и ветра друг...
Скорей хоть что-нибудь скажи нам!
В слух обратилось все вокруг!

Но ты молчишь... В лучистом дыме
Восходят к небу облака...
Быть может, кто-то знает имя?
Ответьте, горы и река.

Белеет солнце огневое
Среди синеющих вершин.
Вглядитесь, матери, в героя.
Быть может, это чей-то сын?

Скажите, легкие туманы.
Скажи, высоких сосен ряд,
Чьи это огненные раны
В ночи бессонно так горят?

Чей это взгляд, прямой, открытый,
Так жарко в души нам глядит?..
Ничто на свете не забыто.
Никто на свете не забыт.

Ты снова здесь, ты снова с нами.
Веселый, сильный. Молодой.
Как багровеющее знамя,
Горишь над солнечной землей.

Цветет миндаль душистый снова.
И снова свет горит в груди.
Скажи, скажи хотя бы слово.
Земли молчанье — разряди!

Скажи скорей, ответь, поведай,
Что передать просили нам
Те, что сияющей победой
Вернулись к страждущим полям?

Чей голос ветер в поле носит,
Чье имя шепчут тополя...
Тебя седое небо просит.
Леса, луга. Самая земля.
Твоя душа, как солнце, светит.
Ты отдал Родине ее...
Не безымянный ты!
Бессмертье —
Вот имя
Вечное
Твое!

ЛОМОТЬ ХЛЕБА

Вот брошенный хлеба ломоть
На асфальте лежит.
Он в годы войны
Был по весу –
Трехдневным пайком.
Прохожие мимо идут.
Тот гуляет.
Тот, видно, спешит.
Один – не заметит.
Другой – обернется тайком.
Но вот человек наклонился,
И, словно цветок,
Хлеб бережно поднял
И на подоконник кладет.
Кто в этих глазах,
Словно в книге стихов
                  между строк,
Нелегкую повесть
Утрат и страданий
                  прочтет?
Случайный прохожий,
В толпе затерявшись,
Исчез.
Стучит многоточьем
Его деревянный протез...

ОТЕЦ, МЫ С ТОБОЙ УВИДАЛИСЬ ВО СНЕ...

Отец, мы с тобой увидались во сне:
Писал треугольные письма ты мне...
Как пить ты хотел!
О, как пить ты хотел, —
Я жажды твоей утолить не сумел...

Жар солнца берег ты, что нас согревал.
Тебя убивали, но ты оживал...
И видел ты,
Выйдя живым из огня.
Смеющегося — в колыбели — меня...

Во сне мне казалось:
Я — рядом с тобой.
Светился трепещущий луч голубой,
Как будто от ран исходил он твоих...
Отец, я не бросил тебя ни на миг...
Отец, мы с тобой увидались во сне...
Писал невеселые письма ты мне...
Как пить ты хотел,
О, как пить ты хотел!..
А я и воды тебе дать не сумел...

И все же — лучом из тех дальних времен —
Мечтой твоей — я и сейчас озарен...

Как властно вы в наши вторгаетесь сны,
Отцы, не вернувшиеся с войны.

1972

ПИСЬМО РАНЕНОГО ВОИНА

Опускай, опускай ресницы...
Только б, только бы не присниться.
Только б кровью тебя не пугать...
Властный голос твой слышу снова,
Вновь ловлю я за словом слово,
Вижу солнечный взор опять.

Вражья пуля пробила колено,
Обожгла меня боль мгновенно,
Только я не упал, не упал!
Я прицелился в офицера.
Снег февральский, буднично серый,
Стал от крови празднично ал.

Издрав гимнастерку в клочья,
Я укрылся крыльями ночи.
Ветер грудь мою оведал.
И склонились у изголовья,
Омываясь моею кровью,
Белолобые глыбы скал.

Тишина меня усыпляла,
А луна щитом укрывала.
Одеялом служил туман.
Снился мне сражения грохот,
Снились мне водопада рокот
И безмолвье вешних полей.

Прятал я под буркою бурю,
Падал молнией,
Брови хмуря,
Жгли меня,
Рубили меня, —
Но, грозою рожденный светлой,
Неумней степного ветра,
Я сильней меча и огня!

Облик твой, как облако, нежен.
Как лебяжье крыло, белоснежен,
Охранял незримо от туч.
Ночь сейчас,
И моя палата
Тишиною чуткой объята.
Лунный луч горяч и певуч.

Изувечено мое тело,
Но влюбленное сердце цело,
Но влюбленная память жива...
Где-то луг проснулся весенний.
На сожженной земле сражений
Вновь упрямо встает трава.

Там, где было красно от крови,
Маки рдеют
Зари багровей,
Зеленым-зелено вокруг...
Постареют твои печали,
Станет боль далекою далью,
Зарастет, как весенний луг.

INDIENOS AJI
COLONIA
MENCANTO BARRALERO
AECANDE
1903-1944

Дни листаются, как страницы,
Но любовь вовек не промчится,
Перечтешь ее вновь и вновь.
Пусть она вовек не устанет,
Пусть меня и томит и ранит,
Исцеляет и жжет любовь!

Властный голос твой слышу снова.
Вновь ловлю я за словом слово,
Снова солнцем глаза полны...
Опускай, опускай ресницы –
Счастье, счастье тебе приснится,
Наше счастье,
Счастье страны!

Анзор САЛУКВАДЗЕ

***

Придите все, друзья! Здесь песни мы споем!
Послужит нам Дарьял многоголосным фоном,
Подхватят эту песнь вершины, доли, склоны
И мощная Кура в течении своем.

Придите все, кто шел тропой военной тризны.
Мы у могилы здесь воздвигнем вечный храм,
Чтоб дети тех солдат клялись своим отцам
В любви и верности родной своей Отчизне!

О Родина – любовь, ничем не одолима!
Соскучился твой сын по стороне родимой,
Прижми его к груди и стань поводомьрем!

Прижми его к груди... Все повернется круто:
На этой вот земле и в эту вот минуту
Здесь встретит сына мать,
Сын встретится с отцом!

ЖЕНЩИНЫ 1941 ГОДА

Целый день они сушили пшеницу.
Рев быков заглушала мысль о хлебе.
Так давил им этот рев на плечи,
и давил фиолетовый воздух.

Только ночь у них для слез оставалась,
для оплакивания мужа или брата,
или, может быть, отца или сына,
чтобы, выплакавшись, утром вместо плача
вновь отдаться сушке зерен-кормильцев.

Но от стольких ночей этих слезных
так глаза у них гореть однажды стали,
что просыпалась на землю вся пшеница,
и голодные птицы ее съели,
и остались без пищи скот и дети.

И тогда, похоронившие убитых,
эти женщины, убитые пропажей,
словно гроб, себе поставили на плечи
фиолетовый, такой тяжелый воздух,
и в земле похоронили свои слезы.

Дети плакали, быки ревя ревели.
Всех давил фиолетовый воздух,
и деревня провожала в путь последний
свои слезы, как одну слезу большую,
как покойницу, лежавшую недвижно.

Было душно, ибо умер даже воздух.
Только женщины привычными руками
стали вновь перебирать пшеницу,
и вчерашнюю скорбь и безнадежность
занавесили дело и утро.

Умер воздух, тени умерли тоже.
Стали женщины похожими на тени,
и в тени непреходящего горя
они вновь перебирали пшеницу...

В ПРОСТРЕЛЯННОМ ВАГОНЕ

В пулями прострелянном вагоне,
Что на фронт солдат отвез немало,
От родных хребтов Кавкасионн
Еду я, пою «Шаво мерихало»*.
Солнечные зайцы заглянули
В круглое отверстие от пули...

Мой сосед почти не удивился,
Что давно знаком с вагоном этим.
Был он ранен, дома подлечился,
И вагон его, как друга, встретил.
А по шраму на лице скользнули
Те лучи в отверстия от пули...

Рядом с нами – женщина с сыншшкой,
Мать дитя тревожно обнимает.
Солнцу улыбается мальчишка:
Что идет война, о том не знает...
И гулит беспечно: «Гули-Гули...»
Лучику в отверстия от пули...

1941

---

* «Шаво мерихало» (груз.) - «Черная ласточка» - народная песня.

ОКОП

Я прорезал лопатой его.
Ширина
И длина его –
небольшая.
Моря Черного он
крепостная стена,
Крыма он
стена крепостная.
Снег да снег в эти дни
с утра до утра.
А мороз беспощаден, право.
Как от снега меня
защитила вчера,
Как согрела
эта канава.
Пусть уж лучше могилою для меня
Мой окоп неширокий станет,
Чем ступила бы вражья в него
ступня,
Чем он недругом бы занят.
Я прорезал лопатой его,
ширина
и длина его –
небольшая.
Моря Черного он
крепостная стена,
Крыма он
стена крепостная.
Он меня защищает,
а я его,
Он ворота на дом мой безмерный,
Я и он – щит Отечества своего,
А Отечество –
щит наш верный.

1942

ВОЙНА, МАТЬ И ДЕТИ

Мать, не смыкая глаз, лежала,
В глазах дрожал тревоги дым.
Мы натянули одеяла
И притворились, будто спим.

Стояла тишина над домом,
Нас несбывальный страх томил,
И голос матери знакомый
Суров и непривычен был.

Вдруг ночь от грома раскололась,
И покатился этот гром.
Залаяла собака в голос,
И задрожал наш старый дом.

И мы с постелей соскочили,
И мать застыла у окна,
Запахло дымом, гарью, пылью, —
Вокруг гремела
Тишина.

В рубашках, босиком рванулись
К ночным тревожным окнам мы —
Смотреть,
Как вдоль знакомых улиц
Шли наши танки среди тьмы.

Деревья строгие застыли
У темных запертых ворот...
Встречали улицы пустые
Восенный сорок первый год.

Тишь нависала зло и грозно,
Хоть мы шумели невзначай,
И мать, придя с завода поздно,
Устало разливала чай.

Был наш военный ужин скуден,
Но мать, не поднимая глаз,
Нам говорила:
– День наш труден,
Но ждет великий праздник нас.

БОЙЦЫ БУДУТ ПОМНИТЬ

Мы, дети, сидели и носом клевали
В нетопленной комнате подле стола...
И книга, раскрытая в самом начале,
Лежала, и мгла за окошком плыла.

Выл ветер,
И хлопья валились на ветки,
И туча над самой землей нависала.
А мать, научившись вязать у соседки,
Весь вечер вязала, вязала, вязала.

Выл ветер.
Метался, ревел среди ночи,
Бесился и лаял у самых дверей...
А мать все вязала, усталая очень,
Но петли считала быстрее и быстрее.

Закончен носок.
И четвертый, и пятый...
А где-то, шагая по пояс в снегу,
Защитники родины нашей, солдаты,
Тепло их вбирали в метель и пургу.
Да, знали бойцы, не сдавался морозу,
Что матери прочно ввязали в носки
Мечты и надежды, и тайные слезы –
Большое тепло материнской тоски.

СЕСТРЫ

Трудились вместе, жили вместе, —
Их глаз я не встречал синей...
И чтобы их услышать песни,
Не закрывали мы дверей.
Всегда улыбки излучали,
Тепло, и ласку, и покой.
Они мечтали без печали
О счастье, что не за горой...
...В сердцах отдавшись болью острой,
Над миром прокатился гром,
Во двор широкий вышли сестры
И на замок закрыли дом.
— Куда, куда идете, сестры,
Вы из селенья своего?
И обе отвечали просто:
— Туда, где мы нужней всего!..

Они сражались у Клухори
Средь белых стыпущих вершин.
Они в бою погибли вскоре —
И Кетеван и Тинатин...

Соседи по углам шептались,
Когда они суровым днем
С селом безмолвно попрощались
И на замок закрыли дом,
И вдаль пошли. И все отвесней
Вставали склоны темных гор, —
И тихой ласковой их песни
Мы не слышали с этих пор.
Но весть о том бою неравном
Звучала песней среди живых,
Но весть о подвиге их славном
Была последней песней их!

КУБОК

Кубок заздравный взял я...
Слушай, страна родная:
Грудью сотен и тысяч
Встанем, тебя защитим!
Воины, поглядите:
Кубок до самого края
Клятвой священной налит,
А не вином простым!

Это клятва грузина!
Голос из сердца рвется, –
Сердца, верного плугу,
Молоту и мечу;
Это – клятва, что шашка
Верная не уймется,
Что заодно с народом
Родине жизнь вручу!

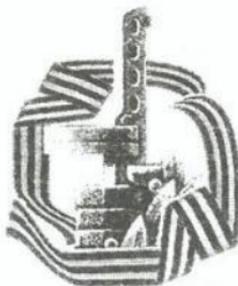
Родина! Без нее мне
Станет вино ядовитым,
Жилы холодом смертным
Оледенит глоток!
С каждым да будет то же,
Кто ей не дал защиты,
Клятву братства нарушив,
Кто изменить ей мог.

Картли! Ты знала войны,
Грозные испытанья;
Были полны отвагой
Верных сынов сердца;

Подвигами героев
Славны твои сказанья;
Древних клинков острее
Ныне клинок бойца!

Кубок осушен. Воскликну,
Другому его вручая:
Мошь наша не иссякнет,
Справимся мы с врагом!
Все, кто возьмут, да помнят:
Кубок родной до края
Клятвой священной налит,
А не простым вином!

1941

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОИНА

Весенние тропы
Пропитаны талой водой.
Домой из Европы
Шагает солдат молодой.

Рассветным туманом
Задернута гор полоса.
Над воином-сваном –
Проснувшихся птиц голоса.

Рассеется скоро
Пробитый лучами туман.
Сванетии горы
Увидит шагающий сван:

Тетнульда и Ушбу
Над сонмом ущелий кривых –
Как вечную дружбу
Безмолвных вершин снеговых.

И за поворотом
Нежданно сверкнет возле ног
Рожденный полетом
Литого потока клинок.

Он станет рекою,
Всю стужу вершин сохраняя.
Не трогай рукою
Его ледяного огня!

Спят люди и горы,
Но реки не спят никогда –
Стремясь на просторы,
Через камни несется вода.

Начало рассвета
Приветствуя гулом волны,
Дождаться ответа
Бессонные реки должны.

И вот из-за тучи
Плеснула заря синеву,
И ветер летучий
Шептаться заставил траву.

В лучах золоченых
Росу отряхнул стебелек,
И белый зайчонок
На солнце погреться прилег.

Гнездо покидая,
Орел настигает орла.
Вершина седая
Под крыльями снегом легла.

Большими кругами
К восходу, срезая углы,
Летят над снегами
Цари поднебесья – орлы.

Идя по долине,
За ними следить я люблю
И клекот орлиный,
Как вольную песню, ловлю.

Дождей караван
Через горы ведут облака.
На родину сван
Возвращается издалека.

Наполнены мглою
Глаза амбразур крепостных,
В них дремлет былое,
Былины рождаются в них.

Но сила иная
Седого былого сильней, —
Стена крепостная
Стара и бессильна пред ней.

Та новая сила
Моторы машин завела.
Дороги мостила,
Мосты через пропасть вела.

Твердьни стояли,
Недвижны, как встарь, как всегда,
Но в новые дали
Текли мимо них провода.

По-прежнему строго
Хранила красу высота,
Но в гору дорога
Вилась, как нарезка винта.

И счастье рассвета
Окрепло в краю молодом,
Ветрами воспето,
Согрето разумным трудом...

Весенние тропы
Пропитаны талой водой,
Спешит из Европы
На родину сван молодой.

1946

***

Мы помним путь – неслыханный, былинный,
Которым нас история вела.
Тот путь пролег от Волги до Берлина,
Стремительный и звонкий, как стрела.

Всегда вперед... Мы много испытали,
Но не молили время: «Подожди!»
Какие мы преодолели дали,
И сколько круч осталось позади!

Но вижу: у излучины дороги
Лучами мая, как костер, зажжен,
Прямой и статный, юношески строгий,
Шумя листвою, стоит красавец клен.

Он вдаль глядит, красуясь на поляне,
И видит цепи гор под шапкой льдов;
А воздух наполняет воркованье –
Стон голубей и песня проводов.

Весь день в кленовой роще шепчут листья,
И разве песню в сердце я замкну?
Гляжу – Казбек все ярче, серебристей, –
И славлю мир, и землю, и весну.

1949

ДУБ

Ветвистый дуб, как часовой в дозоре, –
Он со своей столетней высоты
Встречает первым утренние зори
И смотрит на кавказские хребты.

Когда грозы слепящая зарница
Располосует купол грозовой,
Дуб от ее огня не заслонится
И будет умирать, как часовой.

Дергач заголосил. Листва сгорела.
В ручей упала теплая зола.
Как после орудийного обстрела,
На пепелище тишина легла.

Клубится небо низкое, сырое,
Могучий дуб свершил свой ратный труд –
И над могилой павшего героя
В горах обвал грохочет, как салют.

***

Утром,
                  вытянув шеи,
Разомлев от тепла,
Видим мы из траншеи,
Что сирень расцвела.
Бело-розовым дымом
По плетням улеглась,
Как привет
                  от любимых,
Ожидающих нас.
И плывут
                  самоходки
В белизне,
в синеве.
И кусты –
                  словно лодки
На зеленой траве.
Взгляд метался –
                  лукавый,
Жизнь,
                  что прежде была,
Но снарядная лава
Сорвалась
                  и пошла.
Смерть
                  живое косила,
В муках корчился день,
Вся в разрывах тротила
Задышалась
                  сирень.

ФРОНТОВАЯ СЕСТРА

Когда он шел на пулеметы
В колючем облаке свинца,
Герой –
    один он стоит роты
В священной ярости бойца.
Когда он пал
    на поле боя,
Прижав подсумок
    к животу,
Травы не чуя под собою,
Он грузно ухнул
    в темноту.
Земная твердь качалась,
    гнулась,
И дым в глазах,
    и боль остра...
Но подползла и улыбнулась
Ему усталая сестра.
Все было:
    бред – и сумрак зыбкий,
Горели раны,
    как костры...
А он запомнил лишь улыбку
Той –
    самой ласковой сестры.

ОПОЗДАВШЕЕ СОЛНЦЕ

Остаются в темных ущельях –
Ключья ночи –
Черные тени,
А со мной остаются сомненья,
И желанья,
И ожидания.
Я хочу,
Чтобы кто-нибудь
Показался бы у калитки...
Осыпаются эвкалипты.
Дело к осени...
Вот в чем суть.
Что случилось и почему
Запоздало солнце к восходу?

Поднимаю взор к небосводу –
Ничего не пойму.
Небо чистое,
Голубое,
Полное тишины и покоя,
Словно поле
После шумного боя.

1965

БЕССМЕРТИЕ

Памяти павших героев

Прости меня, мама, что плакать тебя
заставляю, —
Глаза потускнели, и стан твой от горя согнулся, —
Прости, что лишь в песне поэта я жить
продолжаю.
Прости меня, мама, за то, что с войны не
вернулся.

Ты из дому выйди под небо звенящего мая
И благослови мое солнце, что светит отчизне.
Весеннюю песню пусть Грузия наша родная
Споет за меня — я не спел ее, мама, при жизни.
Война — это смерть. Я — сраженный — со
смертью сражаюсь.
Это вечный удел мой... И все же ты ждешь
меня, верю.
Я вернусь к тебе, мама. Ты слышишь? Я в путь
собираюсь.
Я жив, пока сердце твое не забыло потерю.

Истлели на ранах обрывки рубахи домашней,
За день до разлуки пошпигой руками твоими...
Я в завтрашний день ухожу, покидая вчерашний,
Жила бы отчизна — она сохранит мое имя.

Земля Прикарпатья мне ложем той осенью стала.
Прилег на нее — и навек породнился я с нею.
Земли прикарпатской долины — мое одеяло.
Стареют друзья. Почему же лишь я не старею?

Я вам улыбаюсь улыбкою каждого мая,
Живите, живые, и вечно счастливыми будьте,
Любите и пойте и, чаши с вином поднимая,
Наполнить мою на веселом пиру не забудьте!

Лаваш, для меня испеченный, оставьте
на крыше,
Пусть птицы его расклюют, чтобы люди сказали:
Взгляните на птиц – даже тем, что он больше
не дышит,
Он дарит им жизнь... И задумались в светлой
печали...
Носки шерстяные, что на зиму вяжешь мне,
мама,
Ты сыну отдай моему. Он в военные годы
Не ведал нужды – так настойчиво ты и упрямо
Растила его для меня и вела сквозь невзгоды.

Ты слезы лила, припадая к его изголовью,
Когда над страной звучали победные марши.
Все то, за что отдал я жизнь, пусть он любит
великой любовью.
Сегодня он старше меня – ты подумай! – он
старше...

Так ночью бессонной прядутся незримые нити,
Так слушают матери павших своих сыновей.
Их шепот чуть слышный вы, тучи, в громах
повторите,
Ты, ветер, их голос громовый по свету развей!

В гранит воплотилось высокого духа стремленье,
И памятник павшим вознесся – торжественно-
прямо...
Тоскуют глаза матерей. Матерям недоступно
забвенье.
И в праздник Победы – земной наш поклон
матерям.

1970

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ВАЛЬС

Закат не дает отстоять
Одному постоянному цвету.
Вспомнишается мне опять
Что видел и слышал где-то.

Здесь смерти был дан бой.
За свободу платили кровью.
Рядом с Сапун-горой
Спят наши герои.

Безветренный порт тих.
К лайнеру жметесь баркас.
Мерно качает их
Севастопольский вальс.

Кружится медленно порт —
Города синий штурвал,
Южная ночь плывет,
Тенями рисуя бульвар.

Улицы вальсу в такт:
На рейде стоит теплоход.
Луна забирается в парк,
С небом сверяя ход.

За проспектом встает проспект
До кипарисовой чащи.
Завтра представилось мне,
Тихое, светлое наше.

Ночь, а город не спит,
В окнах свет не погас,
Тихо мечты кружит
Севастопольский вальс.

ИРИНОЛА

*Пятнадцатилетней Ирине Схиртладзе,
погибшей в Польше
в борьбе с фашизмом*

Будь ты и впрямь с кулачок, не боле –
Благословен ты в родной стороне!
... Что не скорбишь ты по Ириноле?
Что не скорбишь ты по Ириноле?..
Что не скорбишь ты по Ирине?

Скорбь опалила земли половину,
Небеса растопила в огне.
Кто, скажите, знавал Ирину,
Кто, скажите, знавал Ирину,
Кто расскажет об Ирине?

Еще не печется и боль утихнет
Лепешка сиротская – дань старине.
Только кто же
О ней напишет,
Кто расскажет об Ирине?

Многое девочке обещала
Жизнь. Испытала – только в огне!
В Польше грузинский край защипала,
На врагов восстав, Ирина.

В траншее встала и смерть попрала:
Встречала пулею сто смертей.
... Грузия, ты не имешь права
Смерти своих уступать детей.

Ее могила – гора в Повинска.
Как часовые, стоят при ней
Ромашки Польши у обелиска,
Но не увидит их Ирина.

Она восстала и смерть попраля:
Встречала пулею сто смертей.
...Грузия, ты не имеешь права, –
Слышишь? – на смерть обречь детей.

КАМНИ

*Героям, павшим
в Аджимушкских
каменоломнях*

I
Камень зеленый, а там – сердолик,
Зернь и резьба по гранитному своду.
Я к первородной породе приник,
Чтобы познать благородства природу.

Галечник, сколок, песчанник сырой,
Камень слоеный, пластинчатый, рваный,
Бездна разверзлась под черной горой,
Словно в плече моем старая рана.

Гул подземелья, глубокий, грудной,
Брошенный в разногласицы груди,
Камень на камень, камня – стеной,
И голоса, голоса отовсюду.

Тяжесть булыжника и валуна
В землю вросла и не сдвинется с места.
Плачет над камнями чья-то жена,
Белая, окаменела невеста.

Шествие тьмы, шевеленье огней,
Пламя казнящего сердце бессилья,
И за спиной этих белых тепей –
Сумрака неколебимые крылья...

Где я нашел вас!
Жестокая мгла...
Или нависла
Над вами скала
С невыносимой ее немотою?

Что же за почва в себе приняла
Тело пречистое, тело святое?

Были вы – камни в молчанье немом,
Камни от жажды лизали в пещере,
Вас не сломили ни молот, ни лом...
И распахнулись кремневые двери.

Гул подземелья, глубокий, грудной,
Брошенный в разноголосицы груды,
Камень на камень, камень – стеной,
И голоса, голоса отовсюду.

II

Все, что из юности в вечность ушло,
К цели придет целиком, без потери,
В сердце живых запыласт светло,
Словно свеча, что мерцает в пещере.

Рано вы встали и рано сонли
В недра земли, обогрешной когда-то,
Но ведь ничто в сердцевице Земли
Не пропадет, не уйдет без возврата.

III

Если бы новые дать вам сердца,
Равные солнцу в светяющемся небе,
Бездна разверзлась под черной горой,
Словно в плече моем старая рана.

Гул подземелья, глубокий, грудной,
Брошенный в разноголосицы груды,
Камень на камень, камень – стеной,
И голоса, голоса отовсюду.

ПАМЯТЬ

Иными были парни эти,
хоть их не ставили в пример.
В их окруженье
даже ветер,
казалось,
дул на свой манер.
Мы вечно живы их делами,
их почерк сразу узнаем.
В их сердце
бушевавший пламень
сегодня щем
днем с огнем.
И вот встаете в новом свете
вы перед нами каждый миг.
Иными были
парни эти,
и по-иному
помним их.
Не надо прилагать усилий,
чтоб разглядеть души накал.
И если бы
меня спросили,
я непременно бы
сказал:
страны доверье сотни раз
вы в смертный час свой
оправдали.
Вы жизнь за родину
отдали,
и Грузия
запомнит вас.

ГОСПИТАЛЬ

Госпиталь – боль, милосердие, стоны земли
Рвутся наружу.
К белой стене прислонившись, стоят костыли,
Будто бы ружья.

Рядом со мной тяжело стонет солдат в полусне
В смятой постели...
А в простынях и стенах – в их сплошной белизне
Холод метели.

Госпиталь – боль и терпение... А за окном –
Зелень и птицы,
Вера – что сможет надежда, росток за ростком,
К свету пробиться.

Госпиталь – боль, милосердие, стоны земли
Рвутся наружу.
К белой стене прислонившись, стоят костыли,
Будто бы ружья.

1944

СМЕРТЬ ЛЕШКАШЕЛИ

Смертельно раненный, без сил,
приплыл с той стороны Баксана.
Он многим жизнь укоротил
из неприятельского стана.

И вот, защитник и боец,
в дыму пылающей долины
встречал он в муках свой конец,
подкошенный осколком мины.

Он простонал: «В глазах круги, –
как бы ища во мне опоры, –
я умираю. Помогите!» –
и в высоте увидел горы.

Как лучезарны небеса
за поясами снеговыми!
Их выступы как паруса,
и Грузия моя за ними!

«Смочи мне лоб!» – шепнул он вдруг
и задыхал все учащенней,
но испустил внезапно дух,
пока я воду нес в ладони.

Я стал, не в силах отойти
от места роковой развязки,
с водой ненужною в горсти,
с живой водой из детской сказки.

Я думал: «Уходи, вода,
назад в подпочвенную жилу.
Мы с ним из одного гнезда,
нас буря с домом разлучила.

Мы на краю родной земли
в одном окопе с ним сидели
и выход к югу стерегли
по эту сторону ущелья.

И этот смертный оборот –
лишь кажущаяся утрата.
Я в живости своих забот
нашел нечаянного брата».

Был снег нагорный ярко-бел,
и небо сине за горою,
и куст смородины горел
свечою в головах героя.

1942

ДЕТСКИЙ ПЛАЧ

Деревно разбомбили самолеты,
Облили землю ливнем из металла.
Я был в землянке, а неподалеку
Испуганная девочка лежала.

Объятые землей, огнем и прахом,
Мы замерли в землянке, как в могиле,
Ее глаза, наполненные страхом,
«О, помогите мне!» – меня молили.

Снаряд ударил в реку, поднял брызги,
Осколки с грязью по земле хлестнули,
И петушиный крик раздался близко
И тут же замер в грохоте и в гуле.

Ребенок плакал: «Помогите, дядя!»
Он трепетал, как слабое растение,
И, в детские глаза-озера глядя,
Я шоткуда не видал спасенья.

Ребенок плакал: «Дядя, помогите!»
А чем помочь, когда в землянке душной,
Как погребенный заживо в могиле,
Лежишь распластанный и безоружный?

И я подумал: расскажу ей сказку,
Которая кончается счастливо,
Но все забыл – начало и развязку,
Когда снаряд обрушился на иву.

Вокруг стояли крики и стенанья,
А мы полузарыты, как в могиле...
О, это неизбывное страданье
И детский шепот: «Дядя, помогите!»

Под ливнем пуль, под грохотом бомбежки
Я был не в силах к сказке возвратиться...
Прошли года. Все стежки и дорожки
Позаросли,
А этот плач все длится.

Где б ни был я – в горах или в долине,
Брожу в полях, ромашки обрываю,
Но этот плач в моих ушах поныне,
Я этот плач нигде не забываю.

Фиалки расцветают на Мтацминде,
Сползает снег с усталого нагорья.
А я все слышу: «Дядя, помогите!»
И раны открываются от горя.

СКАЗАННОЕ ВО ВРЕМЯ БОМБЕЖКИ

В той давности, в том времени условном
что был я прежде? Облако? Звезда?
Не пробужденный колдовством любовным
алгетский камень, чистый как вода?

Ценой любви у вечности откуплен,
я был изъят из тьмы, я был рожден.
Я – человек. Я – как поющий купол,
округло и таинственно сложен.

Познавший мудрость, сведущий в искусствах,
в тот день я крикнул:

«О земля моя!

Даруй мне тень!

Пошли хоть малый кустик –
простить меня и защитить меня.

Я по колено в гибели! По поле!
Я вязну в ней! Тесно дышать груди!
О школьник обезумевший! Опомнись!
Губительной прямой не проводи!

Я – человек! И драгоценен пламень
в душе моей!

Но нет, я не хочу

Снять заметно!

Я – алгетский камень.

О господи, задуи во мне свечу!»

И отдалился грохот равномерный,
и куст дышал. И я дышал под ним.
Немилосердный ангел современный
побрезговал ничтожеством моим.

И в этот мир, где пахло, где белело,
смеркалось, пело, силилось сверкнуть,
я нежно вынес собственного тела
родимую и жалостную суть.

Заплакал я, всему живому близкий,
вздыхающий, трепещущий, живой.
О высота моей молитвы низкой,
я подтверждаю бедный лепет твой.

Я видел одинокое, большое
свое лицо. Из этого огня
себя я вынес, как дитя чужое,
слегка напоминавшее меня.

Не за свое молился долговечье
в тот год, в тот час, в той темной тишине –
за чье-то золотое, человечье,
случайно обитавшее во мне.

И выжило оно. И над водою
стоял я долго. Я устал тогда.
Мне стать хотелось облаком, звездой,
алгетским камнем, чистым, как вода.

1947

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

Отдаленные выстрелы. Душная мгла.
Отдаленные выстрелы. Полночь. Бессонно.
Озирается тень на стене у стола.
И стекло, сотрясаясь, звенит напряженно.

В доме спят.
(Что-то вновь дребезжит на столе...)
Или делают вид, что уснули...
Спросонок,
Словно семя в тяжелой и тесной земле,
Шевелится чуть слышно в постели ребенок.

Снова выстрелы.
Сумрак теснится в окне.
Безысходно и глухо растет ожиданье...
И испуганно мечется тень по стене,
И у ночи уже не хватает дыхания.

У МОГИЛЫ
НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Весенний теплый дождь
Гуляет по столице,
И свежую траву
Толкает вверх земля.
Прозрачность и покой.
И солнца луч дымится
На крепостной стене
Московского Кремля.

Все горести людей,
Все беды и печали
Несешь ты, как свои,
Не оттого ль, что здесь
Свет Вечного огня
И древних стен молчанье
Тебе велят застыть –
Отдать погибшим честь?

Здесь ходит тишина
По эпохальным плитам,
И смерти страх порой
Твоих коснется дум,
И слышен плеск знамен
Над воином убитым,
И дальний гул боев,
И новой жизни шум.

Прядется мыслей нить
На прилке эпохальной;
Нет выхода скорбям,
Тоске исхода нет, –
На всем на этом груз

Плиты мемориальной
И Вечного огня
Непоколебимый свет.

Спроси у той плиты,
Кого она прикрыла,
Не скажет ни за что.
И тайну сохранит
Немая, как броня,
Всех и ничья могила –
Негаснущий огонь,
Торжественный гранит.

Но чувствую, что нет,
Гранит не безымянен,
Поскольку боль во мне
Всегда, всегда жива –
По тем, кто пал в боях,
Кто хоть однажды ранен,
По тем, кто там, в земле,
Над кем трава, трава...

Он принял имя всех
Погибших, чтобы к этим
Каменьям и огню
Со всех концов земли –
К ненайденным своим,
К своим бессмертным детям –
Все матери пришли
И все отцы пришли.

Так спи, герой войны,
В своей могиле вечной
Под светом звезд Кремля
И под крылом весны.
С родимой землей
Ты навсегда обвенчан,

И вся страна хранит
Твои святые сны.

Шуршит весенний дождь,
На щеки оседая.
Восходит песнь с полей.
Звучит, растет в пути,
Бессмертная, как ты,
И вечно молодая...
Как на язык людей
Ее перевести?

На подступах к Москве
В жестоком свете боя
Ты мог бы и не пасть
На гибельном пути,
Но поднимать других
В атаку за собою:
«За Родину! Вперед!» —
И так в Берлин войти.

Призывы грозных лет,
Они в сердцах пылали,
На подвиги вели —
Их повторим не раз,
Как только вспомним мы
Те битвы, где стояли
Бойцы за всю страну,
Где отстояли нас.

У жизни не в долгу,
У смерти на примере
Солдаты той войны.
Не умерли — живут:
Строг их патрон в стволе,
Свеж их табак в кисете,
И облака, как дым
Цигарочный, плывут.

У древних стен Кремля
Солдата мучат раны,
И отголоски битв
Еще стоят в ушах...
А дождь кропит Москву
Такой благоуханный,
Беспамятный такой,
Что слезы на глазах.

У древних стен Кремля
На прялке эпохальной
Прядется мыслей нить,
Когда в толпе людей
К могиле ты идешь,
Чтоб свет мемориальный
Оставил отблеск свой
На всей судьбе твоей.

Здесь похоронен тот,
Кто отстоял свободу
И честь своей страны.
К нему в урочный час
Почтить бессмертный прах
Защитника свободы
Потомкам предстоит
Прийти... Как нам сейчас.

ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

С войны вернулся парень тот,
Герой отваги небывалой,
Хлебнул он горя на Днестре,
На Украине воевал он.
Лежал он, ранен тяжело,
И в головах уж смерть стояла,
Но женщина врачом была,
Его для жизни отстояла.

Домой пришел он к старикам,
Пришел важкаци* настоящий,
И звезды на его груди
Горели пламенем звенящим.
И мать героя обняла,
И слезы брызнули от счастья.

И видит мать: он не один,
И отдает поклон учтиво:
«Скажи, сынок, мне, кто она,
Золотокудра и красива?» –
«Мать, я ушел тогда один –
Пришел вдвоем, поверь же сыну:
То врач, твоя невестка, мать,
Что сердце отдала грузину!»

1945

---

* Важкаци (груз.) – мужчина.

СОЛДАТ ВОЗВРАЩАЛСЯ

Солдат возвращался,
А путь не кончался...
– Родимые горы,
Любимые кручи,
Не прячьте вы звезды
Откиньте вы тучи.
Снегами сияют вершины.
– Улыбка или свет?
Зов орлиный:
– Улыбка, улыбка!
– Привет вам вершины.
– Встречается женщина.
– Любо

С ней быть и в лучах и во мраке.
Как щеки ее и как губы,
В полях разгораются маки!
– Так здравствуйте, маки.

Солдат возвращался...
Поля изумрудные,
Радуг ворота,
Луга словно будущих
Книг переплеты
Сафьяновы, бархатны...
Дуб выше кручи,
Как Грузии сердце.
– О, здравствуй, могучий!

Солдат возвращался,
А путь не кончался...
У речки расплакалась ива,
Подружка грустит сиротливо.
О чем она плачет?

- Иду я, иду!
- Привет тебе, милая пва!
- Поклон тебе, родина,
Мир мой прекрасный.
- О здравствуй, земля моя!
Мать моя, здравствуй!

Солдат возвращается...

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Из Заявления Советского правительства.
22 июня 1941 года
Конференция глав правительств СССР,
США и Великобритании. Потсдам. Июль 1945.
2. Плакат «Родина-мать зовет!»
Художник Ир.Тошдзе. 1941.
3. Маршал Советского Союза В.Чуйков и
С.Закариадзе. 1967;
кадр из фильма «Отец солдата» Р.Чхендзе;
памятник «Отец солдата»
(скульптор М.Бердзенишвили). Гурджаани.
4. Н.Заболоцкий и С.Чиковани. 1936.
5. Парк Победы в Тбилиси;
памятник-танк. Аджария. Цоппюрис. 1982.
6. Мемориал Славы памяти моряков - героев ВОВ.
Поти. 1979;
памятник бойцам 414 грузинской стрелковой
дивизии. Севастополь.
7. Памятник К.Леселидзе
(скульптор Я.Николадзе). Тбилиси. 1945.
8. Мемориал Славы в Сигнахи.

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Свентицкий. Бой вели не ради славы 4

Стихотворения и рассказ

Александр Абашели

Моему перу. Перевод Е.Николаевской и И.Снеговой 8

Григол Абашидзе

Победитель. Перевод В.Звягинцевой 10

Весна. Перевод В.Звягинцевой 12

Ираклий Абашидзе

Капитан Бухайдзе. Перевод В.Звягинцевой 13

Пожар потушен... Перевод Ю.Ряшенцева 14

Историки и поэты. Перевод Е.Евтушенко 16

Шота Акобия

Гроза. Перевод Е.Евтушенко 18

Шалва Амисулашвили

Мама. Перевод Е.Евтушенко 19

Ладо Асатиани

В Грузии. Перевод Д.Самойлова 20

Хута Берулава

Девочка в простой шинели серой... Перевод Е.Евтушенко 21

Письмо матери. Перевод И.Снеговой 23

Кале Бобохидзе

Воин без имени. Авторизованный перевод В.Соколова 24

Заур Болквадзе

Вековечный огонь (отрывок из поэмы). Авторизованный перевод А.Глезера 25

Хута Гагуа

Утро. Перевод Ю.Мориц 27

Мирза Геловани

Ты. Перевод Ю.Ряшенцева 28

Был ночью бой... Перевод Ю.Ряшенцева 29

Письмо к другу-поэту, написанное перед ночным боем.

Перевод Ю.Ряшенцева 30

От Мтацминды до Смоленска. Перевод Ю. Полухина 32

Фашист зарылся в темноту... Перевод Ю.Ряшенцева 33

Иосиф Гришашвили

Ленинграду. Перевод В.Орлова 35

Осиротелым детям. Перевод А.Ахматовой 36

Фронтная сестра. Перевод А.Ахматовой 37

Нодар Гурешидзе

Могилы воина-грузина во Львове. Перевод Ю.Лурье 38

Теймураз Джангулашвили

Она показывала дорогу. Перевод М.Львова 39

Что меня грело! Перевод А.Флешина 40

Арсен Еремян

Обелиск 41

Керчь 42

Кинотеатр в Сухуми 43

Карло Каладзе

Артиллерийская дуэль. Перевод С.Спасского 45

Дыма обрывок все стелется... Перевод М.Синельникова 47

Песня. Перевод В.Звягинцевой 48

Анна Каландадзе

Разговор с чиамарией в день Победы.

Перевод Б.Ахмадулиной 49

Михаил Квливидзе

Вехи. Перевод Г.Сапгира 51

Его убили... Перевод В.Звягинцевой 52

Баллада о солдате. Перевод Б.Окуджава 53

1923-1983. Перевод Ю.Михайлика 54

Нази Киласония

О жизни и любви. Перевод И.Снеговой 56

Мурман Лебанидзе

От Горячих Ключей... Перевод Е.Солоновича 58

Георгий Леонидзе

Заздравная. Перевод М.Светлова 60

Ар даидардо, дэдао! Перевод П.Антокольского 62

Песня возвращения. Перевод Ю.Ряшенцева 63

Константин Лордкипанидзе

Цабуня. Перевод Э.Фейгина 64

Отар Мампория

Другу, погибшему на войне. Перевод Ю.Вронского 72

Реваз Маргиани

Я на груди ношу маленькое письмо. Перевод П.Шубина 74

Когда умолк последний бой. Перевод Н.Заболоцкого 76

Война, как буря, пронеслась... Перевод А.Межирова 77

Ровесникам, вернувшимся с войны. Перевод Е.Евтушенко 79

Алио Мирцхулава

Братья. Перевод М.Светлова 81

Морской орел. Перевод Б.Пастернака 83

Маквала Мревлишвили

Берега Голландии. Перевод Б.Окуджава 85

Шота Нишнианидзе

Баллада о двух мальчиках. Перевод И.Шкляревского 86

Гаврош, Паата, Олег и другие. Перевод Е.Евтушенко 89

Возвращение солдата. Перевод Б.Окуджава 93

Мир. Перевод О.Чухонцева 96

Человек на костылях. Перевод О.Чухонцева 97

Диалог меча и серпа. Перевод Ю.Мориц 98

Иосиф Нонешвили

Не шумят над ней густые травы... *Перевод В.Тушиновой* 99

Защитнику Родины. *Перевод А.Тарковского* 100

Посвящается маме... *Перевод Вл.Лугового* 102

Булат Окуджава

Здесь птицы не поют... 104

Проводы у военкомата 106

А мы с тобой, брат, из пехоты... 107

Ах, что-то мне не верится... 109

От войны войны не ищут... 110

Морис Поцхишвили

Ты не безымянный. *Перевод В.Казанцева* 111

Ломоть хлеба. *Перевод Вл.Лугового* 113

Отец, мы с тобой увидались во сне...

Перевод Е.Николаевской 114

Александр Саджая

Письмо раненого войны. *Перевод Д.Голубкова* 115

Анзор Салуквадзе

Придите все друзья! *Перевод Г.Орагвелидзе* 118

Лия Стура

Женщины 1941 года. *Перевод Е.Евтушенко* 119

Ладо Сулаберидзе

В прострелянном вагоне. *Перевод Ю.Анохина* 121

Окоп. *Перевод В.Соколова* 122

Арчил Сулакаури

Война, мать и дети. *Перевод И.Снеговой* 123

Бойцы будут помнить. *Перевод Е.Николаевской* 125

Сестры. *Перевод Е.Николаевской* 126

Галактион Табидзе

- Кубок. *Перевод Н.Манухиной* 127
Возвращение воина. *Перевод А.Межирова* 129
Мы помним путь... *Перевод Э.Ананиашвили* 132
Дуб. *Перевод А.Межирова* 133

Владимир Убилава

- Накинув русскую шинель... *Перевод И.Жданова* 134
Утром, вытянув шею... *Перевод И.Жданова* 135
Фронтальная сестра. *Перевод И.Жданова* 136

Фридон Халваши

- Опоздавшее солнце. *Перевод С.Куняева* 137
Бессмертие. *Перевод В.Лифшица* 138

Нугзар Церетели

- Севастопольский вальс. *Перевод Н.Тархнишвили* 140

Джансуг Чарквиани

- Иринола. *Перевод Я.Гольцмана* 141
Камни. *Перевод М.Синельникова* 143
Память. *Перевод Д.Дадешкелиани* 145

Отар Челидзе

- Госпиталь. *Перевод Е.Николаевской* 146

Симон Чиковани

- Смерть Лешкашели. *Перевод Б.Пастернака* 147
Детский плач. *Перевод С.Куняева* 149
Сказанное во время бомбежки. *Перевод Б.Ахмадулиной* 151

Отар Чиладзе

- Воспоминание о войне. *Перевод И.Дадашидзе* 153

Отар Шаламберидзе

- У могилы Неизвестного солдата. *Перевод А.Преловского* 154

Сандро Шаншиашвили

- Вернувшийся с войны. *Перевод Н.Тихонова* 158

Алеко Шенгелиа

- Солдат возвращался. *Перевод В.Соколова* 159

К иллюстрациям 161

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ
КЛУБ» СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕТ ВЕТЕРАНОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
С 65-ЛЕТИЕМ ПОБЕДЫ!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge   rusculture@mail.ru